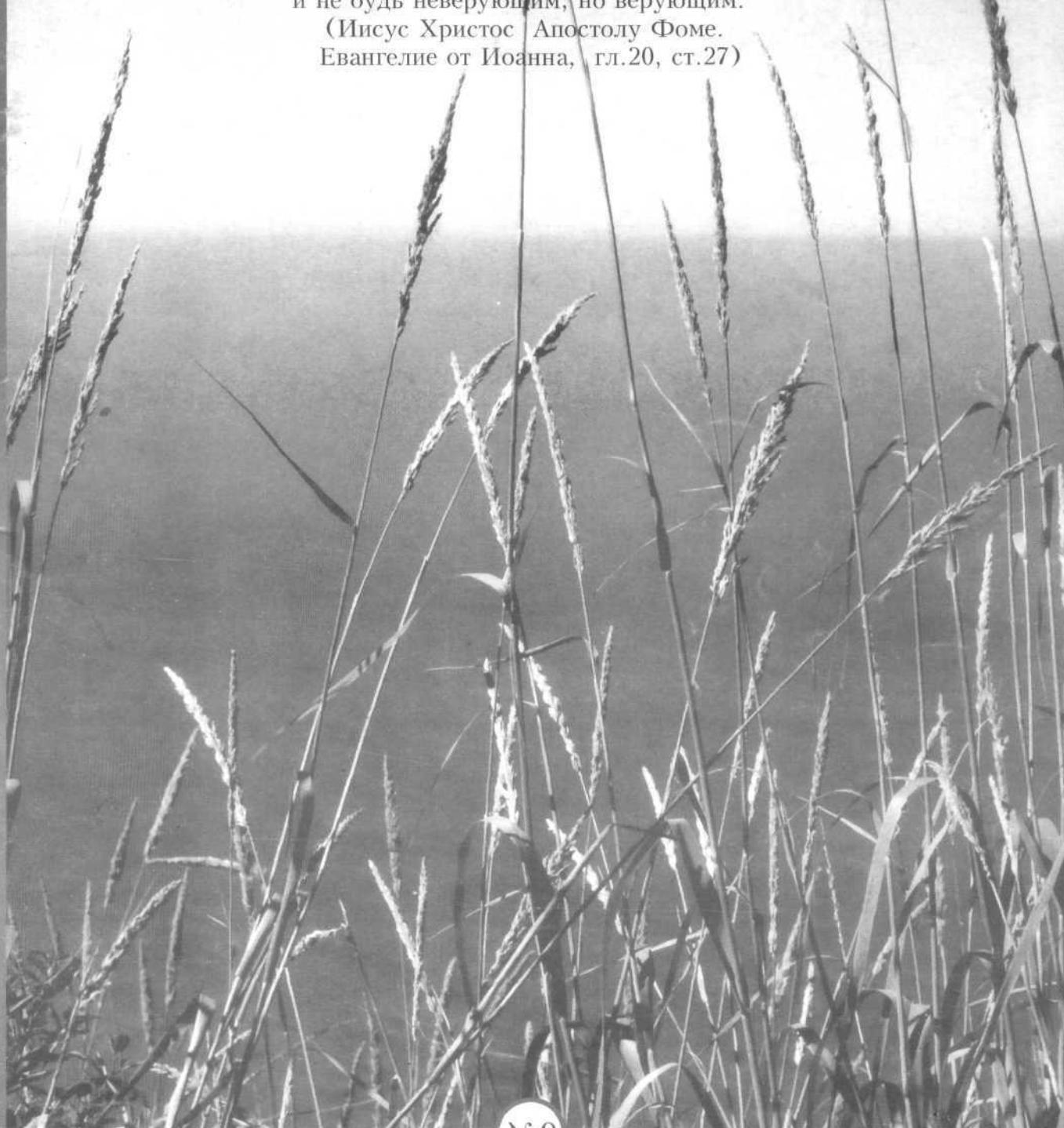

ФОМА

"Подай руку твою и вложи в ребра Мои;
и не будь неверующим, но верующим."

(Иисус Христос Апостолу Фоме.
Евангелие от Иоанна, гл.20, ст.27)

№9

ПРАВОСЛАВНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ СОМНЕВАЮЩИХСЯ

“ФОМА” православный журнал для сомневающихся

*Для тех, кто искренне
хочет разобраться и
получить ответ на
вопросы о смысле жизни, о
небходимости и месте в
ней веры, но не уверен или
не понимает, зачем для
этого нужно идти в
Церковь.*

*Наш журнал адресован
тем, кому не все равно,
зачем мы живем и умираем,
кто хочет понять смысл
двухтысячелетней
церковной традиции.*

*“Фома” не ставит своей
целью просвещение
“темных” и обращение
“заблудших” - мы просто
хотим искренне и
открыто говорить о вере,
любви, радости и боли.*

*И может быть, если все мы
сохраним эту искренность
и жажду понять, истина
явится нам... Как когда-то
давно сам Христос явился
измученному Фоме.*

*Чтобы тот, наконец,
поверили...*

“СТРАНА ГЛУХИХ”

Один из самых естественных вопросов сомневающегося - почему существует ад? Если Бог есть Любовь, почему Он обрекает грешников на вечные мучения?

Ответ на этот кажущийся неразрешимым вопрос на самом деле не так сложен. Самое главное здесь вот что: христианство пришло в мир вовсе не с вестью о том, что существует ад. Нет. Ад - темное царство мертвых - известен почти всем дохристианским культурам. Своим же Воскресением Христос открыл людям тайну жизни, а не смерти - тайну Рая.

К сожалению, наши представления об аде и рае далеки от христианских. Слово “ад” у многих современников вызывает в памяти картинки из журнала “Крокодил” советских времен: сковородки, бока которых жадно лижут языки адского пламени; грешники, страдающие в кипящем масле на этих сковородках, и рогатые черти, немилосердно тычащие грешников. Смею утверждать, что картины эти, при всей своей наглядности, имеют мало общего с христианским пониманием вечных мук.

И если говорить об образах, то я бы предложил обратиться к... современному отечественному кино! В одной из последних картин Валерия Тодоровского “Страна глухих” есть сцена, прекрасно передающая христианский нерв ощущения ада.

Для тех, кто не видел фильм, поясню: главная геройня - молодая девушка. Ее любимый парень - азартный игрок - должен огромную сумму денег. Рискуя жизнью, девушка собирает для любимого необходимую сумму, но он (игрок же!) перед тем, как вернуть долг, решает еще раз попытаться счастья. И... вновь проигрывает все до копейки.

А дальше потрясающая по силе и проникновенности сцена: ни одного упрека, ни одного слова обвинения. Все, что пытается сделать девушка - это успокоить любимого. Она говорит, что он не должен расстраиваться, что деньги - это не главное, что она еще заработает. Главное, они любят друг друга, поэтому все будет хорошо.

В ответ парень “взрывается” и начинает гнать от себя девушку. Он кричит, что не может находиться рядом с ней, что ему больно от осознания того, что он - последняя сволочь - проиграл заработанные ей деньги, а в ответ от нее - ни слова упрека, а только обещание любить его, что бы он ни натворил. Но такая любовь выше его сил, так как он не может быть с ней, ощущая свою подлость! Ему БОЛЬНО ОТ ЕЕ ДОБРОТЫ, и он ее прогоняет.

Конечно, дальше ему станет только ЕЩЕ БОЛЬНЕЕ. Прогнав любимую, он будет всю жизнь мучиться, потому что такая любовь - одна и на всю жизнь. Но, согласитесь, трудно в этой ситуации обвинить девушку, упрекнуть ее в том, что именно она обрекает парня на мучения...

Этот образ, на мой взгляд, вполне по-христиански описывает ощущения души грешника, встречающей Бога - Того, Кто есть Любовь. Любовь, которая обжигает, но без которой нет жизни. Так человек, просидевший долгое время в темной комнате и отказывавшийся выходить к свету, неизбежно слепнет, когда солнечные лучи впервые касаются его лица. И кто виноват, что на постоянный призыв выйти на улицу, к свету, он отвечал отказом?.. А глаза, тем временем, потеряли способность воспринимать свет, то есть жизнь. Поэтому именно сам человек обрекает себя на вечную тьму, вечное мучение.

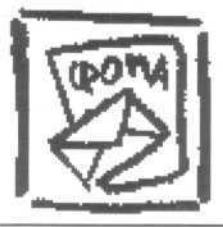
И все же, повторю еще раз, христианство - это Благая Весть (по-гречески - Евангелие) о Жизни, а не смерти. И все, что требуется от нас, - это открыть дверь и выйти к свету, пока не поздно. Время у нас еще есть.

Владимир ЛЕГОЙДА

ПИСЬМА СВЯЩЕННИКА ДУХОВНОЙ ДОЧЕРИ

У меня с покойной женой было именно так. Самый памятный и радостный миг нашей любви был тот, когда мы промозглым осенним вечером стояли в при вокзальном сквере ее родного города, и она впервые взялась за мою руку и сказала: "Со мной что-то новое происходит, никогда этого не было. Я тебя нисколько, нисколько не боюсь. Я тебе верю... как своей маме..."

6 - 11

ДИАКОН АНДРЕЙ КУРАЕВ

ЗАЧЕМ ХОДИТЬ В ХРАМ, ЕСЛИ БОГ У МЕНЯ В ДУШЕ

Зачем мы ходим в храм? Послушать проповедь? Для этого сегодня можно включить радиоприемник. Помолиться? Молиться можно везде и во всякий час. Более того, таков именно совет апостола: "Непрестанно молитесь". Принести пожертвование? Сегодня сборщиков много и на улицах. Подать поминальную записку? Ее можно передать со знакомыми. Поставить свечку? Так ее можно поставить и перед домашним образом. Так зачем же мы ходим в храм?

12 - 15

ЕГО ИМЯ БЫЛО ФОМА

"Безнадега" (1992 год) - одна из тех вещей, которые он пел практически на всех концертах:

Была у милой коса
Честью-безгрешностью,
Стали у милой глаза
Блудные с нежностью...

Некарактерное для рок-культуры, для идеологии тусовки четкое ощущение трагизма нецеломудрия. На самом деле именно в восприятии христианина распад личности в блуде по-настоящему трагичен - потому что необратим (иначе, как действием благодати Божией; но эти понятия пока еще в другой реальности, в то время - для автора, посейчас - для большинства его слушателей)...

17 - 24

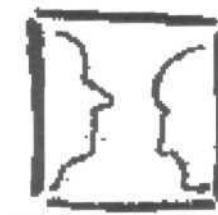
АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ**НУЖНА ЛИ ЛИТЕРАТУРА
СОВРЕМЕННОМУ
ЧЕЛОВЕКУ**

Христианская она или нехристианская, литература все равно лучшие, чем телевидение, лучше чем кино, потому что она воспитывает в человеке независимое самостоятельное мышление. Если вы читаете книгу, которая вам не нравится - вы с ней спорите, вырабатываете свою позицию, свою собственную точку зрения. И поэтому церковь должна искать в литературе союзника, она должна повернуться лицом к литературе.

49-51**ИСТОРИЯ ЛЮБВИ**

Миновал час, другой. Вот, сейчас донесет чай и начнет прощаться... "Да, кстати, я хотел тебя кое о чем просить, я, собственно, за тем и пришел". Ах, вот, зачем он пришел - больно колнуло сердце. Но тут же мои горькие мысли были прерваны. Потому что он вдруг сказал, очень мягко и тихо:

- Выходи за меня замуж...

63-65**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О. МАКСИМА КОЗЛОВА**

Мне было почти 14 лет, когда я из единственного, любимого, обласканного и избалованного сына превратился в старшего брата. Причем брата сразу двоих близнецовых.

Пришлось узнать, что такое стирка пеленок, бессонные ночи, когда дети кричат за стенкой и нужно идти помогать родителям и т.д. Но парадоксальным (если внешне рассуждать) образом вдруг все это отзывалось в душе ощущением того, что я этих малышей, беспомощных и вонючих (а как их еще может воспринимать 14-летний подросток!) довольно сильно люблю! Никуда не денешься! Вот люблю! И устаю, конечно, ругаюсь, но представить мир без того, что они есть, без того, что о них нужно заботиться и что они такие родные и близкие - уже просто невозможно.

16-19**"БЕСНОВАТЫЙ" И ДРУГИЕ
"ФРЕСКИ"**

Парень поднимает голову, и она поворачивается к батюшке, похожая на башню тяжелого танка. Следующим движением он хватает батюшку за нос и наотмашь бьет... На него страшно смотреть, вместо лица - мертвая белая злоба.

54-57

Одной из традиций нашего журнала является то, что мы постоянно вынуждены отходить от собственных традиций. На этот раз вместо ставших привычными (как нам кажется, уже слишком привычными) подборок писем

“ТВОЙ НЕДОСТОЙНЫЙ ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ...”

**Переписка священника с духовной дочерью
(продолжение)**

читателей мы публикуем лишь два письма. Причем с их авторами наши постоянные читатели уже знакомы - конечно же, знакомы заочно, ведь даже само имя девушки, да и все остальные имена в этой публикации нами изменены.

Переписка Ольги с ее духовным отцом была напечатана два года назад, в 5-м номере “Фомы”. И вот - Ольге уже не девятнадцать, а 21 год, она учится в институте, встречает новых людей... И она сталкивается с проблемами, которые известны очень многим девушкам и юношам. Однако далеко не всегда в их жизни есть человек, который с такой любовью, вниманием и пониманием ответит на мучающие нас вопросы, как отвечает на вопросы Ольги священник, ее духовный отец.

Батюшка, здравствуйте!

Вы меня потеряли? Но я жива и здорова. Могу сказать, у меня все в порядке. Учусь в институте, отчет о практике защищила и т.д. Живу я теперь в другой комнате. Ирина не восстановилась, да и не собиралась, кажется. Сейчас работает уборщицей в магазине, мы с ней общаемся*.

Девочки со мной поселились нормальные, но они все буряtkи. Одна из них стала мне близкой подругой. Меня все сначала спрашивали: как ты с ними живешь? Я отвечаю: а чем они от нас отличаются? Иногда я утром открываю глаза и говорю: "Я как в раю, благодарю тебя, Господи, за этот рай?" Это действительно так, меня здесь любят и радуются всем моим победам. Они меня во всем понимают, я могу говорить им не боясь. Но это не очень важная новость, есть важнее.

Я влюбилась и сильно. Что делать, просто не знаю. Конечно, ответ от Вас придет не скоро, но очень хочется получить его. Этот парень мне сказал, что я теперь его девушка. Сейчас он уехал на свадьбу к родственникам, и я вся извелась, не могу ждать. Мне без толку говорить: не терять девичье достоинство.

Я уже не маленькая. Я все знаю, как надо себя вести. Но Вы сами говорили, что у Вас тоже было это. Когда Вы не хотите потерять что-то свое и делаете все не по правилам. Нет, я не отступилась, конечно, нет. Я отношусь к этому очень серьезно. Он это тоже знает. Но сама я опять не решилась сказать ему, что он получит меня только после свадьбы. А вообще это первый человек, за которого я пошла бы без оглядки. Прошу, помолитесь за меня.

Я стала чаще ходить в церковь. Он, кстати, крестился полтора года назад по собственному желанию. Мы с ним понимаем друг друга. Я не могу без него, вот и все. С ним я ухожу в мир иной. Ко-

Примечание о.А-я: * Ирина - бывшая однокурсница и соседка Оли по общежитию. За три курса института в ее жизни было несколько тяжелых любовных драм и два абортов. Ольга начинала говорить с ней о Боге и даже почти убедила пойти на исповедь в церковь. Но не получая стипендии и не имея средств к жизни, Ирина махнула на все рукой и стала "водить" в свою комнату мужчин почти ежедневно. Проведя несколько вечеров на подоконнике в коридоре, Ольга пожаловалась на нее в деканат. Ирину выселили из общежития, а после ближайшей сессии отчислили. Она устроилась на работу официанткой в ночной бар "Три семерки" ("самое страшное место в городе", как писала Оля). Эта работа чуть было не стоила ей жизни...

роче, я сошла с ума. Вы, наверное, смеетесь: девочка влюбилась. Теперь я поняла, что это значит. Сейчас его нет, я пока немного отошла...

А друзья мои все рады. У них дома бумага в печатной машинке застряла: когда отремонтировать смогут - неизвестно; скорее всего, еще долго будет стоять. И первое, что на этом листе написано: Оля влюбилась. Даже машинка сломалась, вот.

Ну что еще написать? Как дела у нас в городе? Цены растут, денег недают. Бастуют, объявляют голодовку, это бесполезно. Люди лежат перед администрацией уже несколько месяцев, а толстые дяди перешагивают их спокойно и идут обедать. Вот такое положение в городе.

А теперь вопросы:

- 1) Может ли человек другой национальности показаться в православной церкви?
- 2) Православные христиане верят в реинкарнацию душ?
- 3) Можно ли некрещеному заходить в церковь, молиться и ставить свечи?
- 4) Чем отличается буддизм от христианства?

До свидания.

Жду с нетерпением ответа. Заранее благодарю за письмо.

Ольга.

Ответ Ольге

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Аминь.

Здравствуй, Ольга!

Да, ты и вправду не маленькая. Тебе пошел двадцать первый год. Ты вступила в решающее десятилетие твоей жизни. Как ты будешь поступать в эти годы, во многом определит твою жизнь уже до самого конца. Так что "сходить с ума" (как ты сама оцениваешь свое состояние) для тебя сейчас по крайней мере несвоевременно. Давай мы лучше немного охладим твой ум и подумаем вместе.

Ты вроде бы советуешься со мною, но совершенно ничего не говоришь об этом юноше, кроме того, что он крестился полтора года назад. Почему было не написать, сколько ему лет, кто его родители, чем он занимается, давно ли вы вообще знаете друг друга. "С ним я ухожу в мир иной". Но жить-то тебе с ним придется в этом мире, и поэтому уже сейчас надо приглядываться:

- готов ли он вести за собой семью?

- любит ли он детей?

- как он относится к своим родителям и, особенно, к своей маме? И как его отец относится к ней?

Кстати, знает ли его твоя мама, и какого она о нем мнения?

Ты пишешь: "Он сказал, что я теперь его девушка". Прости за выражение, девушки у него может быть сколько угодно. Но серьезных намерений относительно тебя, как я понял, он еще не высказывал. Ты говоришь, что "пошла бы за него без оглядки". Если ты имеешь в виду замужество, то позволь спросить: а по чему ты знаешь, что ему нужно именно это?

Олеся, ты не первый раз пишешь о своих увлечениях. Ты уже почти забыла тех молодых людей, которые взволновали тебя полтора года назад. По милости Божией, мы с тобой этот нелегкий период благополучно пережили. Надеюсь, что переживем и на этот раз. Будем молиться друг за друга, будем внимательным к словам друг друга, будем верны Богу и друг другу; я тебе как дочери, а ты мне как духовному отцу. И тогда никакое зло тебя не коснется. Ну, слушай же.

1) То, что ты ему "не сказала" - скажи, пожалуйста, и очень твердо. Скажи ему, что ты христианка и воля Божия тебе дороже всего. И для тебя возможен союз только с тем человеком, который определен тебе Господом, и только через церковное и родительское благословение, и больше никак. Другие варианты - не для тебя.

2) Ни до какой, что называется, интимной близости, в любой форме, не допускай. Дело может начаться с допустимых, как кажется, ласк, а потом ты уже будешь не в состоянии сдерживать и его, и себя. Вполне достаточно - пройтись, держась за руку.

Для преданно и чисто любящего человека это одно уже дорого.

Один французский писатель, имевший большой и разнообразный опыт в любовных делах (в чем мы с тобой, как верующие люди, конечно не должны ему подражать), понял в конце концов, что оказывается, высшее наслаждение в любви - это первое рукопожатие любимой. Я, со своей стороны, думаю, что высшее наслаждение в любви заключается вообще не в физической близости, но если говорить о ней, то этот писатель, наверное, недалек от истины.

У меня с покойной женой было именно так. Самый памятный и радостный миг нашей любви был тот, когда мы промозглым осенним вечером стояли в привокзальном сквере ее родного города, и она впервые взялась за мою руку и сказала: "Со мной что-то новое происходит, никогда этого не было. Я тебя нисколько, нисколько не боюсь. Я тебе верю... как своей маме".

За этот вечер мне совершенно не стыдно, он всегда останется в моей памяти свежее множества солнечных и радостных дней. А вот из последующих наших отношений о многом можно пожалеть. Конечно, мы любили друг друга, но я уверен, и даже твердо знаю, что сейчас, находясь в светлых селениях праведных, Маша любит меня бесконечно больше, чем на земле... Прости, Олечка, я что-то отвлекся, ближе к делу.

Итак, если со стороны твоего друга будут какие-то условия, что мол, если нет, то я тебя брошу - и жалеть не о чем, скатертью дорога. А если уступишь только из боязни, что он тебя оставит, наверняка прогадаешь.

3) Ты не пишешь, живет ли он постоянно в городе или приехал, как ты, на учебу. Очень строгое правило (лет 20-25 назад на этом можно было бы не наставлять, но в наши дни приходится): не оставайся с ним наедине ни в его квартире, ни в своей комнате, ни вообще в таких местах, где никого нет рядом. Несколько девушек говорили мне на исповеди (или в другом откровенном разговоре), как они при таких обстоятельствах были грубо и даже жестоко изнасилованы довольно тихими парнями, от которых они этого никак не могли ожидать.

Я уверен, что ты теперь не смотришь по телевизору или в кино эротику. Тем более - упаси Бог смотреть с ним вдвоем.

4) Никогда не обсуждай своих с ним отношений с ровесницами, которые уже имеют мужчин. Настоящего жизненного опыта у них нет, ум еще не зрелый, но уже испорченный, в нем все поставлено с ног на голову. В подавляющем большинстве они не могут понять сами себя, где же им правильно понять тебя?

В наше время девушки, раз потерявшие невинность, потом уже легко сходятся с мужчинами "для пробы", считая это нормальным способом "узнать" человека. В этом смысле они и тебе могут давать советы. А кто-то из них просто из зависти к тебе захочет, чтобы ты была не лучше, чем они. Такие случаи известны по опыту.

5) Следи за своими помышлениями, не давай им над собой власти. Если приходят в голову страстные мечтания об этом юноше, и не удается их прогнать, обращайся к молитве.

Бывает так, что очень устанешь за день, только до кровати добраться, легла в постель, а сон пропал куда-то, мысли одолевают до самого утра. Встать на молитву сил нет, пытаешься молиться лежа - и постоянно сбиваешься на эти же самые мысли.

Мне в таком случае помогает зажженная лампадка перед иконой. Она в темноте освещает лицо Христа, я просто смотрю на него, и верю, что Он очистит мой ум от грязных мыслей светом лица Своего. Постепенно все плохое уходит из головы. Может быть, соседки по комнате будут возражать против лампадки. Тогда можно поместить на стене, так, чтобы тебе было видно с кровати, лист бумаги с изображением Креста Господня (я тебе его посыпаю).

Во времена искушений пристально гляди на этот Крест и помни, что Спаситель твой претерпел на нем муки и смерть ради тебя. И твой нательный крестик целуй при этом и ограждайся им. Выучи молитву Кресту Господню "Да воскреснет Бог..." и повторяй перед сном каждый раз.

Утром тоже долго в постели не залеживайся, стараясь вставать быстрее, а пока встаешь, уже призываю Бога. А то бывает, что с утра мысли нечистые борются еще сильнее, чем вечером и ночью. И вообще, как я тебе в прошлых письмах наказывал, то же самое повторю и сейчас: помни Бога всегда и везде.

Хорошо, что ты стала чаще ходить в церковь. Но о чём ты просишь, когда стоишь в церкви на молитве? Или ты не стоишь, а просто заходишь поставить свечу, и все? Или послушать немного умильительное пение, не понимая слов, и просто пожалеть себя и помечтать? Все это не годится: пришла - стой до конца и вникай в слова службы. И проши не о том, чтобы соединиться с любимым, чтобы он был тебе верен, или чтобы он достиг успеха в том-то и том-то. Бог ведь любит его больше, чем ты, и лучше знает, что и ему и тебе на пользу. А ты проши о прощении грехов своих, и о том, чтобы сохраниться от больших грехов, чтобы Господь дал тебе разума к познанию Его святой воли.

Кстати, возьми себе за правило - заходить в церковь в достаточно длинной и скромной одежде, в пла-

точке (который можно взять с собою, если ты ходишь в шапке), и ни в коем случае не накрашенной. Скромность одежды и поведения в церкви помогает и внутренней собранности.

Перехожу к ответам на вопросы. Если ты будешь читать Новый Завет почаше и повнимательнее, то и сама эти ответы найдешь. Поищи-ка сама, где там об этом писано, а если по ходу чтения у тебя возникнут новые вопросы, ты их можешь задать в следующем письме.

1) Креститься в православную христианскую веру может человек любой нации, который уверует, что Иисус Христос есть Сын Божий и Бог, пришедший на землю в образе человека, чтобы искупить от грехов каждого из нас. Если он верует, что Сам Христос, вечно пребывающая в основанной им Церкви, ведет собранных в ней людей в Царство Свое, то ничто не мешает этому человеку стать членом Церкви, через Святое Крещение. А если такой веры у него нет, то будь он хотя бы и русский, боюсь, что крещение не принесет ему пользы.

2) "Реинкарнация душ" - выражение неудачное. Можно сказать или просто "реинкарнация" (т.е. перевоплощение), или "переселение душ", что есть то же самое. Слово Божие, данное в Священном Писании, говорит, что человек живет на земле один раз. И как он проживет эту жизнь в отношении к Богу и другим людям, сообразно этому и воздаяние получит на грядущем Божием суде. Оно будет не в виде нового во-

площения в продолжающейся земной жизни, а в воскресении всех умерших с обновленной и бессмертной плотью, причем изменится и сама природа земли, и всего творения Божия. Праведники по воскресении из мертвых унаследуют вечную жизнь в Царствии Христовом, на этой "новой земле", а люди, отвергшие Бога и закона Его, получат вечное наказание, о котором не знаю, что и сказать - пожалуй только, что оно будет горше всех несчастий, которые могут произойти с ними в земной жизни.

3) Некрещеный человек зайти в церковь, конечно, может. Ты знаешь, что в церкви Бог открывается человеку особенным образом. Многие, кого не могли убедить в истинности христианства ни книги, ни размышления, ни споры, - неожиданно оказывались способными принять в свое сердце Христа, просто отставивши службу в храме. Это тысячу лет назад произошло с нашими предками - послами князя Владимира, который отправил их в разные страны на поиски истинной веры. После виденного ими богослужения в храме Св. Софии в Царыграде они прекратили все дальнейшие исследования и вернулись к своему господину со словами: "Не знаем, где мы были - на небе или на земле, знаем только, что там Бог с людьми пребывает". И это, говорят, решило выбор Владимира.

Я сам до девятнадцати лет был некрещеным. И когда стал искать, подобно тем послам, истинную веру, много всякого перечитал и передумал. По моим тогдашним рассуждениям выходило, что вроде бы к истине христианства ближе протестанты. И одна лишь пасхальная ночь, проведенная мною в нашем православном храме, сокрушила все эти рассуждения. Я просто понял, что никуда уже не уйду отсюда, и все.

Что касается свечи, и может ли ее ставить в церкви некрещеный человек, - то некрещеный некрещенному рознь. Если человек уже всем сердцем уверовал во Христа и готовится принять крещение, то он и прежде крещения может участвовать в церковной молитве, и думаю, что поставить свечу для него не будет делом незаконным. Только лучше, чтобы он это делал с ведома и по благословению священника.

А если этот некрещеный человек еще не принимает учения православной христианской веры, то, по апостольским правилам, он не должен молиться вместе с членами Церкви. Ведь свеча - это тоже участие в церковной молитве, в богослужении.

Но сам я от строгости этого правила, честно сказать, иногда отступаю. Об одном человеке я знаю, что он не никак не крестится именно потому, что не может пока принять некоторых важнейших положений православной веры. Но когда он приходит в храм "просто постоять" и поставить свечу "за живых и за умерших", я не считаю правильным отказать ему в

этом. Для меня ясно, что в этом выражается стремление его души к Богу, и верю, что по желанию сердца его, Господь однажды приведет его в познание истины, и Святого Крещения он тоже не лишится. А я должен этого терпеливо ждать и молить о нем Бога.

4) Мы верим в Единого Бога в трех лицах - Отца и Сына и Святого Духа - и обращаемся в молитве как ко всей Святой Троице, там и к каждому из Ее лиц в отдельности. А буддисты, насколько я знаю, вообще в Бога как в Личность, не верят, а признают некий безличный высший закон. Для нас Господь наш и Спаситель Иисус Христос - Сын Божий, Бог и человек в одном лице, Который Свою смертью на Кресте искупил грехи всех, кто уверовал и уверует в Него.

Мы исповедуем, что Христос воскрес из мертвых, вознесся к Отцу Своему и вместе с Отцом и со Святым Духом управляет миром и Церковью Свою, а на грядущем суде Своем воскресит верующих в Него в жизни вечной. А у буддистов их учитель Будда - это просто человек, который достиг, как они думают, совершенства и полного покоя. Если все обычные люди и животные, по их мнению, находятся в вечной цепи перевоплощений, то Будда - это тот, кто якобы открыл, как освободиться от этих перевоплощений - и от жизни, и от смерти. И главная их цель - это достичь как раз такого состояния - нирваны.

Итак, наша вера с их верой нисколько не сходится, и кто говорит, что буддизм и христианство близки, говорит неправду.

То, что с девушками-бурятками у тебя хорошие отношения, это замечательно, старайся поддерживать их дальше и проси у Бога, чтобы он помогал тебе сохранять с ними мир и дружбу. Да и за них самих молиться тоже очень хорошо было бы.

О вере вам лучше не спорить; ты знай, что вера твоя истинная и правая, но правоту эту показывать лучше делами, чем словами. Если они увидят, что ты живешь по законам Божиим, то и к вере твоей будут относиться с почтением. А если уж никуда нельзя уклониться от спора, то мысленно сотвори молитву до трех раз, а потом только говори. В каких-то буддийских обрядах, если они их совершают, пожалуйста, никакого участия не принимай, даже по близкой дружбе. А от русских буддистов всячески держись по дальше - их полно у вас в Сибири по большим городам.

Одно дело - буряты, живущие по традициям многих поколений своих предков. Евангелия они не читали, но даже несмотря на свои неприемлемые для нас верования, Христос, который есть Премудрость Божия, в какой-то мере открывается им. Дух Божий действует в каждом народе.

В каждой цельной многовековой национальной культуре есть какие-то добрые, идущие от Бога устои, поддерживающие верность супружества, послушание детей, взаимопомощь соседей и т.д. Я вполне допускаю, что твои бурячки чище и порядочнее в своих понятиях и делах, чем большинство девушек в вашем общежитии. Но русский буддист - это совсем другое. Это человек без корней и основ, который свое потерял и чужого не познал, который ищет чего-то и еще неизвестно, к чему в конце концов придет. Если же он пришел в буддизм не просто из безбожия и полного духовного невежества, а был христианином и отвергся от Христа Бога ради Будды - это вообще горе.

Я знаю нескольких таких молодых людей. Они преданы нечистым страстям плоти; заповеди Христовы их обличают, Суд Его для них страшен, вот они и успокаивают себя надеждой на "реинкарнацию". Надеются, наверное, еще одну жизнь прожечь, так же, как эту прожигают. Уж до "нирваны" куда там! Но я думаю, что самому Будде было бы тошно от таких поклонников!

ОБ ИРИНЕ: Оля, если тебе придется встретить Ирину, будь с ней ласкова и приветлива, как будто ничего не случилось. Я думаю, что обида на тебя у нее давно прошла: она ведь и сама в глубине души наверняка понимает, что живет совершенно скверно. В своей жизни, в своем кругу она видит так мало человеческой порядочности, а тем более - доброты и сочувствия, что тебя она вспоминает, скорее всего, с лучшей стороны. Ну не зря же все-таки год назад у тебя возникло желание поделиться с нею своей верой!

То, что ты в этом письме вспомнила ее, само говорит, что печаль о ней, а возможно и надежда на ее спасение, еще остаются в твоем сердце. Бог творит чудеса: может быть, она еще будет святая праведница. Хочешь, мы будем молиться за нее вместе с тобой? Я напишу ее имя в свою тетрадку рядом с твоим и буду поминать вас обеих на молитве и в церкви, и дома.

Кстати, в своем письме ты на это раз ничего не пишешь о маме, бабушке, отчиме и тех людях, о которых тоже просила молиться. Все вы в моей тетрадке и в моем сердце. Вот еще оказаться бы нам всем вместе у Господа нашего Иисуса Христа, в пресветлых Его обителях. Я очень этого хочу, а ты? Впрочем, я знаю, насколько я этого недостоин, а ты все-таки чище меня.

Спаси свою душеньку, радость моя, может, и мне поможешь. Ольга, прошу тебя, молись обо мне.

Мир тебе и Божие благословение. Ограждаю тебя честным Крестом Господним. Будь здорова.

Твой недостойный духовный отец
иерей А-й

Перед вами - подлинная переписка священника со своей духовной дочерью. Ее обращение за помощью и советом к духовному отцу и его ответ - не попытка заставить девушку поступить так, как считает нужным священник, но искренняя беседа, в каждой фразе которой - любовь. И дело не только в том, как поступит дочь, а и в том, что, наверное, замечательно знать: где-то живет человек, который всегда останется для тебя отцом и не отвернется, какую бы дорогу ты ни выбрал.

НРАВСТВЕННА ЛИ «СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ»?

Выпуск второй
ПЕРЕПИСКА СВЯЩЕННИКА
С ДУХОВНОЙ ДОЧЕРЬЮ

Библиотечка журнала

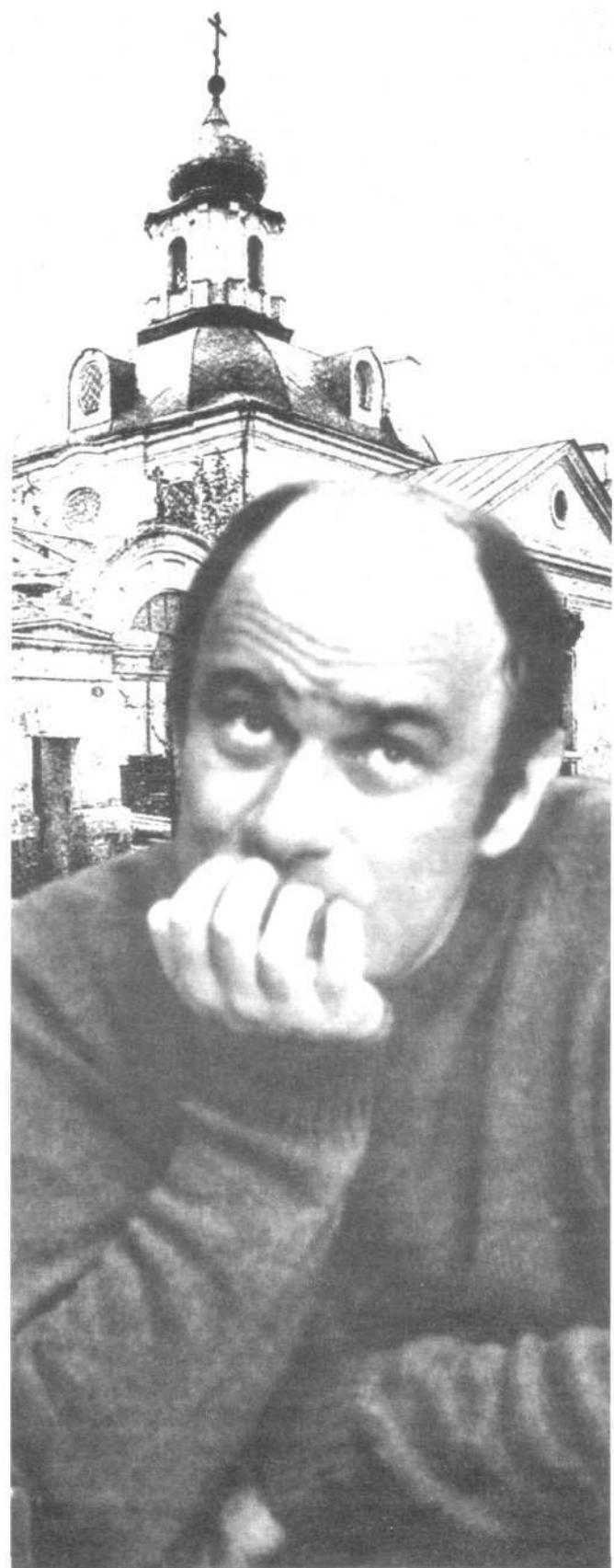
В СЕРИИ «БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «ФОМА»

Вышла в свет брошюра «Нравствена ли «свободная любовь»? Переписка священника с духовной дочерью.» В этой книге вы найдете полный текст переписки, опубликованной в №№ 5, 9 нашего журнала. Желающих приобрести книгу просим обращаться по телефонам редакции.

Диакон Андрей КУРАЕВ

ЗАЧЕМ ХОДИТЬ В ХРАМ, ЕСЛИ БОГ У МЕНЯ В ДУШЕ?

У каждого из нас есть знакомые и даже родные люди, которые с недоумением смотрят на наши сборы в храм. На их лицах написано глубокое непонимание, а порой и возмущение. Иногда оно изливается в слова: "Ну ладно, ударился ты в веру, пусть уж. Но зачем же в храм-тоходить, столько времени и сил на это тратить?! Вот я, к примеру, тоже верующая. Но я верю в душе. Бог у меня в душе, и мне не нужны никакие внешние ритуалы. Да вспомни, как недавно сатирик Михаил Задорнов сказал: "Для общения с Богом мне не нужны никакие посредники!".

Как пояснить таким людям наше поведение?

Те, кто говорит, что им храмы и посредники не нужны, вряд ли считают авторитетным для себя слово Евангелия. Но, может быть, они почувствуют человеческую достоверность в словах всеми любимого Винни-Пуха. Однажды, в ответ на предложение Пятачка сочинить песенку, Винни-Пух сказал: "но это не так просто. Ведь поэзия - это не такая вещь, которую вы находитите, это вещь, которая находит вас. И все, что вы можете сделать, это пойти туда, где вас могут найти".

Храм и есть то место, где человека находит Бог. Зачем? Действительно, зачем мы ходим в храм? Послушать проповедь? Для этого сегодня можно включить радиоприемник. Помолиться? Молиться можно везде и во всякий час. Более того, таков именно совет апостола: "Непрестанно молитесь". Принести пожертвование? Сегодня сборщиков много и на улицах. Подать поминальную записку? Ее можно передать со знакомыми. Поставить свечку? Так ее можно поставить и перед домашним образом. Так зачем же мы ходим в храм?

Более того, некоторые люди говорят, что если они хотят помолиться, то они уходят в лес, к речке или к морю, и там, в Богозданном Храме, им легче ощутить величие Творца и восславить Его. Зачем же, говорят они, нам из бескрайнего Храма заходить под тесные своды храма рукотворного?

Чтобы понять это, давайте на минуту выйдем за пределы христианского храма. И ВСПОМНИМ, что важнейшая проблема языческих религий - это вопрос о том, какие жертвы люди должны приносить богам. Когда надо приносить жертву. Кто должен их приносить. В чем должна состоять эта жертва. По какому ритуалу она должна быть принесена.

Какому из многочисленных богов... Об этом говорят книги, изъясняющие языческие церемонии.

Но в Евангелии мы видим нечто противоположное. Если язычники говорят о том, какую жертву люди должны принести Богу, то Евангелие говорит о том, какую жертву Бог принес людям: "Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих" (Мф. 20,28); "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин. 3,16).

Понимаете, Бог Библии настолько превышает всю вселенную, что не может быть и речи о том, что Он слабеет при творении мира. Да, Бог Своей силой, Своей энергией поддерживает существование космоса. Но Его бесконечная мощь от этого никакого не убывает. А потому и не нуждается в восполнении со стороны людей.

Поэтому библейские жертвоприношения нужны не Богу, а людям. Люди просто должны научиться быть благодарными. Люди должны научиться хотят бы часть своей жизни, своего имущества и своего времени (вспомните заповедь о субботе) уметь отставлять от себя и предлагать пред лицом Господне. Не потому, что Богу нужна эта уделенная Ему часть. А потому, что люди тем самым учатся жертвенной любви.

Лишь на десятую или сотую часть религия состоит из того, что в нее вносят люди. Главное в религии то, что привносит в нее Бог. Главное не то, что люди делают ради Бога, но то, что Бог делает ради людей. Главное в религии не то, что люди приносят в храм, а то, что они износят из храма.

То, что мы можем принести Богу, мы можем принести Ему в любом месте. Все, что есть в мире, и так принадлежит Ему. Но есть такая частичка бытия, в которой Бог позволил царствовать не Себе, а другому. Это моя душа. Эта та комната в бесконечном здании Вселенной, куда Зиждитель не входит без спроса. И от нас зависит, на службу чому мы поставим свою свободу, дарованную нам Богом.

Будем ли мы служить Богу, или себе самим и своим прихотям и похотям. Единственное, чем мы можем обогатить беспредельную власть Господа - это если мы и свою свободную волю предадим Ему. Поэтому - "жертва Богу дух сокрушен" (Пс. 50,19). И эту жертву может принести любой из нас. И в

этом смысле любой из нас - священник. В этом смысле надлежит понимать слова ап. Петра о том, что христиане - это народ, стоящий из священников (1 Петр. 2,9).

Никто не сможет вместо меня принести Богу в жертву мою волю. Только я сам владею ей и я сам могу принести ее ко престолу Божию. Принести же присягу на верность и сказать: "Господи, воля Твоя, а не моя да будет! Благодарю Тебя за все, что Ты пожелаешь привнести в мою жизнь! Дай мне возможность послужить Тебе каждым моим дыханием!" - можно в любом месте.

Итак, то, что мы можем принести в жертву Богу, всегда с нами. И потому всегда мы можем сказать своему "Я" те слова, которыми философ Диоген некогда ответствовал на предложение владельца мира Александра Македонского исполнить любую просьбу мудреца: "Отойди, и не заслоняй мне солнце!".

Для того, чтобы христианин мог принести жертву Богу, он не нуждается в храме. Но в религии есть не только то, что мы даем. Важнее то, что мы получаем. Важно не то, зачем мы ищем Бога. Важнее то, зачем Он ищет нас.

Зачем мы чаще всего приходим в храм и обращаемся с мольбой к Богу - хорошо известно. Мы склонны в Боге видеть этакий генератор гуманитарной помощи: "Дай, Господи, нам побольше здоровья, побольше успеха и прибавки к зарплате...". Слишком часто мы ищем Господа, по присловью святителя Димитрия Ростовского, "не ради Иисуса, а ради хлеба куса". А вот зачем Бог ищет нас? Он хочет у нас что-то забрать? Или дать?

Зачем призывает Его Слово: "Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные" (Мф. 11,28)?.. Нет у этого призыва продолжения в таком роде: "И вы отгадите Мне то-то...". Иным предвестием кончается это приглашение; оно говорит о том, что Бог сделает ради отозвавшихся: "И Я успокою вас... найдете покой душам вашим".

Итак, Бог зовет нас к Себе, чтобы что-то вручить нам. Что же? Знание - "Научитесь от Мене" ... Дух - "Примите от духа Моего" ... Любовь, мир и радость - "Пребудьте в любви Моей... Мир Мой даю вам... Радость Моя в вас да будет...". Но Христос дает

нам и еще нечто немыслимое... "Пребудьте во мне, и Я в вас... Приимите, сие есть кровь Моя за вас изливаемая...". Всего Себя Христос вверяет людям. И Свою божественность, и Свою человечность.

В современной медицине есть такая процедура: человеку делается переливание его же собственной крови. Из его тела выводится его кровь, она очищается от каких-то вредных примесей или, напротив, обогащается теми компонентами, которые организм больного уже не может сам вырабатывать в необходимом количестве. И такая, обеззараженная и обогащенная, кровь тут же вливается обратно в тело человека.

Нечто подобное происходит и в наших отношениях со Христом. Бог становится человеком. Он берет в Себя наше естество, впавшее в состояние тления, в Себе его исцеляет, насыщает Божественностью, Вечностью, Бессмертием, и Свое человеческое Тело, уже прошедшее через смерть и воскресшее, возвращает нам. Свою человеческую кровь, насыщенную Божественными токами, Он вливает в нас, чтобы мы в себе носили зарядок Воскресения и были причастниками Вечности.

Итак, в храм мы приходим для того, чтобы нечто в нем получить. Храм - это стены, выстроенные вокруг Таинства Причастия. Таинство же состоит в том, что к людям протянута рука с Дарами. Поэтому посещение храма - не тяжкая повинность, а дивная привилегия. Нам дано право стать соучастниками Тайной Вечери. Нам дана возможность стать "причастниками Божеского естества". Нам дана возможность прикоснуться к той Энергии, которую не в силах выработать ни одна электростанция в мире.

Христос сказал, где он нас ждет и что желает нам дать. Он, Вечный, желает с нами встретиться и соединиться в этой жизни - для того, чтобы в будущей, вечной нашей жизни мы не стали непоправимо одиноки.

Так вежливо ли, получив уведомление о том, что кто-то нас ждет на встречу на площади Пушкина, в назначенное время отправляться на прогулку по улице Льва Толстого? Если встреча не состоялась - кто в таком случае будет виноват?.. Знамо дело - "Пушкин"!

Бог искал нас. И нашел. Нам же просто надо пойти и встать в такое место, где Бог ближе всего подходит к людям, в такое место, где Он самые невыбывшие Дары раздает людям. Если Чашу с причас-

¹ цит. по: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 7 вып. Спб., 1874. Отд. 2. Вып. 5. С. 527.

тием Христос подает нам через Царские врата храма, стоит ли нам отворачивать нос и твердить "Бог у меня и так в душе"?

Вера - это действие. Это стремление к тому, что уже предчувствуется, но еще не стало очевидностью. Стремление к тому, что уже прикоснулось к нашей жизни, бросило в нее свой отблеск, но еще не вошло в нее всецело... Вера - это желание нового опыта. Но те, кто говорят: "у меня моя вера, и она в душе" часто говорят это с такими тусклыми глазами, что бывает трудно поверить, будто они хотя бы когда-то испытывали стремление к Богу.

Нельзя любить, не проявляя своей любви, не делая хоть каких-то движений к любимому человеку. Так же нельзя верить, никак не проявляя своей веры во внешних действиях. Роза, которую дарят любимой, сама по себе ей не нужна. Этот цветок ей дорог не своей собственной красотой, а тем отблеском, который положила на него любовь подарившего. Цветы купленные и цветы подаренные совсем по-разному оживляют комнату.

Если человек утверждает, что он любит кого-то, но он ничего не делает во имя своей любви: не ищет встреч, ничего не дарит, не уделяет времени для общения, ничем не жертвует - значит, он просто хвастается перед своими уже влюбленными друзьями: "мол, и я ничем не хуже, и у меня уже есть возлюбленная!".

Поэтому человеку, утверждающему, что Бог у него в душе, стоит спросить себя, что он сделал для того, чтобы очистить свою душу для столь дивного Посещения? Как и каким именем он позвал Его? Как он хранит Его в себе? Что изменилось в нем от этой Встречи? Полюбил ли он Того, Кого встретил? И что он делает ради этой любви?

Если эти вопросы повергают вас в недоуменное молчание - так хотя бы не считайте себя превозведенными тех, кто хоть что-то делает для того, чтобы пребывать с Богом! Не презирайте идущих, даже если те спотыкаются!

Те, кто говорят, что им не нужны посредники к их отношениям с Богом, не понимают, что в храме их ждет тот Посредник, который вместо них как раз и принес жертву и освободил людей от необходимости что-то разрушать в мире и плодами разрушений подкармливать божков. Неужели же так невыносимо трудно раскрыть свои руки для того, чтобы в них можно было вложить Дары?

В нашей жизни мы знаем наверно только то, что мы умрем; это единственно твердое, для всех общее и неизбежное. Все переменчиво, ненадежно, тленно, и любя мир, его красоту и радости, мы должны включить в нашу жизнь этот последний завершительный и тоже, если мы захотим, могущий быть прекрасным, момент — нашу смерть.

Священник Александр Ельчанинов

Его имя было ФОМА

Весной 1997 года в городе Воронеже мой друг, незадолго до этого принявший крещение, на вопрос, будет ли он в такой-то вечер на службе, с извиняющейся интонацией ответил, что именно в этот вечер в кинотеатре "Юность" будет концерт Вени Дыркина, и он уже договорился пойти туда. "Ты что, - сказал я, - с ума сошел - это же Страстная седмица, какие могут быть концерты?! И кто такой этот Дыркин?" (Потом, кстати, я узнал, что эта фамилия пишется без первой гласной - ДРКИН.) Слегка смущенный таким "наездом", мой друг стал говорить о том, какой замечательный человек Веня Дркин, прикольный, ненапряжный, интересный, в определенных ("хиповых") кругах достаточно известный и вообще очень талантливый. "Тебе, - сказал он, - его песни наверняка понравились бы."

Я тогда еще не был в сане, служил псаломщиком. Для человека церковного отношение к тому, кто под Великую Пятницу дает рок-концерт, не сильно зависит от того, насколько этот поэт-музыкант талантлив. Я высказался на эту тему, общими усилиями с еще одним приятелем мы от-

говарили моего друга (брата нашего) от участия в этом "беззаконии". Спустя два с половиной года, когда я впервые слушал кассету с дркинскими песнями, мне было до слез печально, что живым я этого человека не видел и не увижу. Это, конечно, не значит, что теперь даже в Великий пост я пошел бы на его концерт. Но если бы Веня остался жить, таких проблем теперь уже не возникло бы: зная о том, как преобразила его душу болезнь, можно с уверенностью сказать, что если бы и были еще концерты (живого) Вени Дркина, то, во всяком случае, не в Великий пост...

На самом деле его имя было АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЛИТВИНОВ. Еще у него было прозвище Дрантя. Как Дрантию его знали на родине, а родиной его была Луганщина. Поселок Должанский Свердловского района Луганской области, 11 июня 1970 года - место и дата рождения (потом он жил в самом Свердловске). 1987 год - школа с золотой медалью, затем Донецкий политех. После первого курса пошел в армию, потом восстановился в Луганском СХИ, но и его так и не окончил, хотя доучился постепенно до пятого курса (ближе к концу

- заочно). Датировка известных нам песен начинается с 1989 года. В 1991 году произошло знакомство с замечательным человеком по имени Полина (она же - Пэм), в 1994 они расписались. В декабре 1994 родился Денька.

В АСХИ Саша учился в то время уже заочно, то работая в какой-то строительной шабашке, то что-то охраняя, то уча детей в школе физике. В армии КАМАЗы водил... В общем, биография для творческой личности характерная.

А еще 94-й год для Дранти и Пэм - это первая поездка на фестиваль под названием Старооскольская Золотая Лира. Именно там появился на свет Вени Дркин - Пэм подбросила спонтанно возникший псевдоним, да так он и прилип, и в этот и последующие четыре года Саша был лауреатом ЛирЫ под этим несерьезным именем. Воронежская, белгородская, курская и разная прочая "тусовка" знала и любила Дранти именно благодаря Лире.

За десять лет (1989 - 1999) Дранти написал около полутора сотен песен; далеко не все они есть в качественной записи, кое-что могло быть и не записано вообще - сейчас его друзья по крохам собирают фонограммы.

С начала 1997 года с Дранти стала неотлучно играть скрипачка Вероника Беляева, и вместе с еще некоторыми людьми они стали называться ДРКИН-БЭНД.

Заболел Александр Литвинов в августе 1997. Диагноз был поставлен только месяца через два. Лимфогрануломатоз, злокачественное поражение лимфы.

Полина рассказывает, что отношение Саши к Церкви было сложным, до болезни что-то мешало ему стать христианином. Хотя и не было безусловного отрицания Церкви - была неоднозначность. В принципе, по некоторым песням можно угадать в авторе человека, далекого от христианства. Но, по словам Полины, желание принять крещение и обвенчаться Дранти высказывал и раньше. Венчание так никогда и не состоялось (в последние месяцы жизни Саша очень скорбел об этом, но не видел смысла обвенчаться в состоянии прикованности к постели, все надеялся, что это произойдет тогда, когда ему станет лучше), а вот с крещением... Болезнь (на тот момент еще неизвестно, какая именно) подхлестнула решимость сделать этот шаг.

Следует, наверное, вернуться к теме отношения православного человека к творчеству - не только Вени Дркина, но к мирской художественной культуре вообще. Ладно, с Великим постом все понятно, но во все остальное время как должен христианин относиться к явлениям художественной культуры?

На этот вопрос можно постараться дать ответ, ссылаясь на святоотеческие цитаты. Честно говоря, не хочется. И не только потому, что жалко расставаться с Веней. Дело в том, что литература по православной аскетике, на которую мы опираемся, ища ориентиры в духовной жизни, адресована либо монашествующим, либо мирянам глубоко воцерковленным, плюс к тому жившим когда-то раньше. Той аудитории, которая в наше время решает для себя вопрос о роли современной светской культуры в жизни православного человека, сложно было бы примерить на себя их быт - иное время, иные условия - может быть, в чем-то и иные требования к человеку; слава Богу за тех, кто хоть как-то к вере пришел.

Для других вариантов ответа (кроме однозначно отрицательного) находим "лазейку" в достаточно известной цитате из письма святителя Феофана Затворника духовной дочери (святитель Феофан по времени гораздо ближе к нам, нежели древние отцы Церкви - он умер в 1894 году, но почитаем Церковью именно как носитель святоотеческого духовного опыта):

"Но вопрос все еще остается нерешенным: так как же, можно ли читать иное что, кроме духовного? Сквозь зубы говорю вам, чуть слышно: по-жалуй, можно, только немного и не без разбора. Положите такую примету: когда, находясь в добром духовном настроении, станете читать с человеческими мудростями книгу и то доброе настроение начнет отходить, бросайте ту книгу. Это всеобщий для вас закон."*

Здесь придется оговориться: я вовсе не предлагаю, что святитель Феофан, живи он в наше время, кого-нибудь из обратившихся к нему за наставлением благословил бы слушать Веню Дркина. Строки из письма этого строжайшего аскета я привожу, отнюдь не надеясь с их помощью увязать рок-культуру с духовной жизнью православного человека. Просто здесь важен сам принцип: восприятие любых явлений мирской культуры, будь то литература, музыка, кинематограф, для верующего человека допустимо в той мере, в которой

*Свт. Феофан Затворник. - Что такое духовная жизнь. - М.: "Правило веры", 1996.- С. 361.

оно не вредит его душевному состоянию (и при этом, кстати, может послужить паллиативом в борьбе с такими грехами, как, например, уныние – именно паллиативом, то есть средством, которое не решает саму проблему, но временно ослабляет ее остроту; да и, раз уж разговор зашел о “пользе”, что-то может, что называется, “пригодиться для общего развития”). Человеку воцерковленному, серьезно молящемуся, светская музыка может серьезно мешать, запавшие в сознание строки песен вытесняют молитву, расхолаживают внутреннюю собранность.

А если вытеснять и расхолаживать пока что еще нечего?

В процессе воцерковления отпадание от человеческой души мирской культуры должно происходить естественно, и когда современному человеку не удается запросто изжить в себе потребность в художественной литературе и музыке, запреты и порицания ему не помочь. Здесь уже задача выбирать для себя то, что будет меньшим искушением. Понятно, что те шедевры мирской культуры, которые прямо провоцируют в человеке страсти блуда, ненависти, суицидальные тенденции и т.п., либо содержат в себе кощунства или антихристианские выпады, отмечаются безоговорочно. А дальше мы как раз руководствуемся тем принципом, который сформулировал святитель Феофан.

Вернемся к Вене. Можно по-разному воспринимать его песни, но свидетельство, которое я считаю нужным здесь привести, думаю, разделят многие слышавшие их. Один человек, несколько лет тому назад гораздо лучше, нежели я, знакомый с рок-культурой, потом серьезно пришедший к Церкви, недавно вернулся в мир после полутора лет послушничества в одном достаточно строгом монастыре (вернулся по благословению духовных наставников, причины в данном случае не важны). Он, конечно, ушел от пристрастий к когда-то близкой ему музыке, утратив к ней всякий интерес. На то, что звучало из моего магнитофона, отреагировал вначале без всякого энтузиазма. Позже взял кассету, вслушался в дркинские песни и сказал мне: “Знаешь, по-моему, Веня Дркин – это самое светлое, что могла дать отечественная рок-культура”.

Действительно, ощущения многих слушавших Веню сходятся на том, что на фоне той культуры, на языке которой он говорит, его песни – удиви-

тельно светлое явление. С ним легко. У Вени есть достаточно жесткие вещи, по направленности стиля и содержания текста сопоставимые с Башлачевым, но они отличаются от остального русского поэтического рока тем, что, заставляя слушателя сопреживать, отнюдь не вгоняют его в депрессию, в духовный тупик. Тот, кто знаком с рок-поэзией, знает, насколько редка для этого пласта культуры черта, которая на языке его адептов обозначается фразой “он не грузит”.

Именно это самое “не грузит” безусловно относится к Вене, но здесь оно вовсе не означает легковесность: поэтическое наследие Вени Дркина – это множество по-настоящему глубоких текстов, – есть во что вдумываться, чему поражаться, за что сказать спасибо поэту. Парадоксальность этого сочетания – наверное, знак настоящего таланта.

...Поймал себя на мысли о том, что ко мне, к сожалению, не относятся слова “он не грузит”: я все отвлекаюсь от ответа на вопрос – а можно ли нам слушать Дркина?..

Сквозь зубы говорю вам, чуть смышино...

У каждого поющего автора есть песня, которую при упоминании его имени сразу вспоминают те, кто мало что другое из его песен слышал - своего рода "культовые" вещи. Если имя Вени Аркина станет более известным, чем сейчас, скорее всего, такой песней будет "Коперник" ("официальное" название - "Проклятущая"). И музыкой, и текстом это одна из самых ярких вещей Аркина, но ее эстетический уровень - это отдельная тема, а здесь следует отметить вот что. "Коперник" - это зарисовка, отражающая некий срез - поколения ли, эпохи ли - особого мира "молодых и неформальных":

Начесали петухи пункера,
Распустили хаера хиппаны...

Возможно, ключевая строчка в этой песне - "Иллюзорная модель бытия". Печальный взрослый взгляд на мир, который создали для себя хаерастые и петухастые...

...И остался пункерам назепам,
Паркапановый бедлам - хиппанам,
И на этом вот и вся недолга,
Иллюзорная модель бытия.
Оборвались небеса с потолка
И свернулась в карусель колея.
Ты, спасибо, помогла, чем могла,
Ты на феньки порвала удила...

Сам Дрантя, кстати, никогда не имел отношения к наркотикам. Этим, в числе прочего, объясня-

ется то, что его творчество на фоне знакомой нам рок-культуры светится таким лучиком. И еще тем, что Дрантя, по словам Полины, совершенно не воспринимал западный рок. Да и из нашего мало что слушал. Очень любил Высоцкого - это и по некоторым текстам заметно...

Неблагодарное занятие - цитировать строки песен, вырывая их из контекста музыки и неповторимой авторской интонации. Слишком многое теряется, ускользает от восприятия, и иной раз нелепой выглядит строка, которая в песне звучит совершенно органично. Лучше, конечно, все это просто слушать. Или не слушать. Но, поскольку странно было бы "на пальцах" рассуждать о личности поэта, игнорируя его творчество, рискнем продолжить разговор о песнях.

Герои нескольких песен Аркина носят имя Фома. "Дружок Фома" (1992) и "Колыбельная бродяги" (начало 1997). Их герои объединены неблагополучием, причем неблагополучием духовным, духовным; и это герои, близкие автору, вызывающие сопереживание. В какой-то степени, наверное, герои песен несут на себе отпечаток духовного поиска автора. Так или иначе, трудно назвать случайным это совпадение: приехав домой после крещения (из храма, где принял крещение), Саша сказал Полине: "Представляешь, с каким именем меня крестили? Фома!" Это было 19 октября, день памяти св. апостола Фомы, и священник предложил Александру креститься с этим именем.

"Безнадега" (1992 год) - одна из тех вещей, которые он пел практически на всех концертах:

Была у милой коса
Честью-безгрешностью,
Стали у милой глаза
Блудные с нежностью...

Один из Дрантиных
акварельных
набросков. 1997 год

Некоторое для рок-культуры, для идеологии тусовки четкое ощущение трагизма нецеломудрия. На самом деле именно в восприятии христианина распад личности в блуде по-настоящему трагичен - потому что необратим (иначе, как действием благодати Божией; но эти понятия пока еще в другой реальности, в то время - для автора, посейчас - для большинства его слушателей), и вот в песне звучит рефреном жестокий приговор "безнадега":

...То, к чему руки тянутся,
Продано, не загублено,
Крадено, да останется.
Только уже не хочется
Бить копытами у порога.
Ржавчиной позолоченного
Безнадега ты, безнадега.

В христианстве иначе вот что: слово "безнадега" к живому человеку неприменимо. Правда, у Вени там еще строчка "Крылья под капельницей - безнадега ты, безнадега" - кто знает, сколько осталось той - или тому - чьи крылья...

Как-то с озабоченностью слушаются сейчас все эти "крылья под капельницей" - в последний месяц жизни Александр Литвинов ни есть, ни пить не мог, жизнь в угасающем теле поддерживалась только капельницами, без которых он не прожил бы суток. Полина рассказывала, что в последние недели руки у него были черные - вены постоянно лопались при попытке воткнуть в них иглы...

И, несмотря ни на что, до последнего дня он говорил ей: "Пэм, завтра я встану..."

Мой самолет был болен.
Тяжело болен.
Неизлечимо болен
Пароходиком в море.
Мой самолетик помер,
Насовсем помер...
Он умирал долго
От пароходика в море.

У самолетика был пароходик легких.
У самолетика был пароходик сердца.
Ему вызывали по ночам скорый поезд,
А в скором поезде нет от пароходов средства.
Увидел пароходик и сгорел дотла,
Оставив на поверхности мазутные пятна.
Может, от любви... Может, от зависти...
Не уберегли... Не досмотрели...

Мой самолет был болен...

За несколько месяцев до начала болезни Дранть написал несколько песен, в которых слишком уж

прямым текстом речь шла о неизлечимой болезни, о смерти. "Самолетик", "Колыбельная бродяги", "День победы" ... Банальность звучат теперь восклицания о том, как же он все это мог предчувствовать, все знать заранее... Как раз это не должно удивлять: личностям такого уровня бывает дано предвидеть, а уж каким образом Господь это творит, узнат не в нашей власти. Потрясает другое: как после всего того, что прорвалось из него в этих песнях, у него самого хватало сил не отчаяваться...

Песня "День победы" - не просто предчувствие смерти. Здесь то отношение к жизни и смерти, которое нехристианскому миру неведомо. Это одна из самых сильных вещей Вени Дркина, и написана она уже явно на подступах к христианству:

А смерти нет.
Она может быть там, где есть мир, а на войне...
А на войне, где все мы -
Либо окоп, либо госпиталь, либо победа.
Так и жизни же нет!
Она может быть там, где есть мир, а на войне..
А на войне, где поляжем костями,
Либо февраль, либо март-апрель, либо победа.

День победы - он не близок и не далек,
День победы - он не низок и не высок.
Как потухшим костром дрогнул паренек..
Значит, он победил, и какой ему прок
От расстановки тактических сил,
Когда любви нет...

Она может быть там, где есть мир,
И там, где есть жизнь, и там, где есть смерть,
А там, где мы -
Либо семья, либо рок-н-ролл, либо победа.

День победы - он не близок и не далек.
День победы - он не низок и не высок.
Как потухшим костром дрогнул паренек -
Значит, он победил, и какой ему прок
От расстановки тактических сил...
Он уже всех простила, он уже все забыл,
По дороге домой он собой прокормил,
Мы ему помогли, чем могли -
Поклон до земли...

Если в окопе забиты сортиры,
Не кормлены дети, дырявые кеды,
И сорванный голос на песне о мире -
Скоро к тебе придет День победы.
И если Кривая поводит боками,

И если уже не приносят обеда,
И лечащий врач разводит руками -
Победа! Победа! Победа! Победа!!!

Последняя фонограмма, записанная Веней (февраль 1999) - музыкальная пьеса-сказка под названием "Тае Зори". В сюжетную ткань сказки, которой не суждено было стать законченным произведением, Дрантя вплетал собственное ожидание смерти. Последние фрагменты черновой записи этой сказки - песни "Чай", "Ничего не случилось", "Письма" выбиваются и по сюжету, и по интонации, и по стилю из романтической зарисовки-фэнтези а la Толкиен, перерастая в исповедь умирающего человека.

А не лечи меня, лечащий врач,
это тебе не поможет.
Не лечи меня, доктор, это тебя не спасет.
Хотя все еще может быть,
кто-то меня и умножит,
Только не здесь и не сейчас, и только не тот,
Который точно, как я, только наоборот...

Мы знаем, что человеческая жизнь не ограничена периодом существования тела. Перед дверью в бесконечность должно быть иначе, нежели нам привычно, осмыслено многое из происходящего с нами. Удача может оказаться искушением, несущим за собой распад и гибель, трагедия может стать протянутой свыше рукой помощи.

"Тот, кто обратился в Православие сразу от рок-культуры, и вообще всякий, кто думает, что он может сочетать Православие с культурой такого рода, должен будет пройти через многие страдания прежде, чем может стать действительно серьезным православным христианином, который способен передать свою веру другим."** - Это слова из лекции иеромонаха Серафима (Роуза) "Православное мировоззрение". Когда я впервые прочитал этот текст году, кажется, в 1993-м, я относился как раз к тем, кто "думает, что может сочетать" (правда, мою беду облегчало то, что я был лишь "слушателем") - и меня это определение возмутило: какая, мол, сердитая консервативность. Со временем, когда я, во-первых, посмотрел, как оно на самом деле происходит с теми, о ком о. Серафим сказал эти слова, во-вторых, узнал, какой путь прошел сам Юджин Дэннис

Роуз, мне стало ясно, насколько любящее и сострадающее пастырское сердце открыло нам этот непреложный опыт.

И даже если прав процитированный мной экс-послушник в том, что Веня - это "самое светлое, что...", все-таки для того, чтобы прийти от этого света к Свету истинному, который просвещает всякого человека, приходящего в мир (Ин. 1,9), Вене понадобилось пройти крестный путь. И раб Божий Фома стал серьезным православным христианином.

Когда неизлечимая болезнь приводит человека к покаянию, неверующие склонны объяснять это страхом перед неведомым иным миром, наивной надеждой на то, что по принципу "гешефта" за покаяние Бог вернет здоровье - и в том, и в другом случае банальной человеческой слабостью. Может быть, у кого-нибудь так и бывает. Только к Аркину все это отношения не имеет. Во-первых, потому, что до самого конца он оставался по-настоящему сильной личностью. Всех окружавших его поражало, как он держался. Один из его друзей сказал мне: "Встречи с Дрантей в больнице мне дали больше, чем все его песни" (это не в минус к песням, я знаю отношение этого человека к песням Аркина, просто в них воплотилась лишь малая часть огромной личности их автора). Во-вторых, в случае страха и прочих проявлений человеческой слабости человек обычно мечется, хватаясь за все, в чем может предложить спасение. С Сашей Литвиновым иначе. В 1998 году его пытались "вылечить" с помощью экстрасенсов. После первого и единственного "сеанса" Дрантя долго иронизировал по их поводу, но больше никаких "целителей" на порог пускать не соглашался. Друзья-буддисты привели Дрантию к Оле Нидалу, Ламе Запада. Полина вспоминала слова, сказанные Дрантей после этой встречи о буддистах: "Они хотят избавиться от реальной жизни, уходят от жизни, уходят от любви... Они живут в умирании. Этот уход ненормален...". О той девушке, которая привела его к Оле Нидалу, Дрантия говорил, что она несчастна.

Выбор был сделан без колебаний. Дрантя говорил Полине, что очень хотел бы петь в церкви, участвовать в росписи храмов. Это было одной из причин того, что не собирался возвращаться, если выздоровеет, к концертной деятельности, связываться с шоубизнесом. На предложения контрактов отвечал со своим неподражаемым юмором, который не угас даже несмотря на полное физическое истощение.

**Приношение православного американца. - Сборник трудов отца Серафима (Роуза). - М., 1999.- С.18.

Еще мы имеем свидетельство Александра Евгеньевича НЕПОМНЯЩЕГО, "сбрато" Вени Аркина по Старооскольской Айре, о серьезности прихода Аркина к вере. Их последняя встреча состоялась в начале июля 1999 в луганской больнице. Александр Непомнящий в это время ездил по стране с концертами, вся выручка с которых передавалась на лечение Вени (и, кстати, не он один - афиши разных концертов с грифом "фонд помоши Вене Аркину" по городам было много). Сам Непомнящий тогда был на полпути к христианству, и разговор о вере, который произошел между ними в больнице, произвел на него сильное впечатление. За месяц до смерти Александра Литвинова Непомнящий рассказывал мне о том, как в мае в больницу к фактически агонизирующему Вене привели священника, чтобы совершить таинства исповеди и причащения. После причастия - резкое улучшение его состояния. Веня не просто не умер тогда, когда, судя по физическому состоянию, должен был умереть, но, спустя несколько дней вставал с постели, начал есть... Почему Господь не исцелил его совершенно, а лишь дал еще три месяца на молитву, на покаяние - это отдельная тема для предположений, да и нужны ли эти предположения?..

В эти три месяца Александр Литвинов не расставался с Евангелием и молитвословом. Когда физическое состояние уже не позволяло читать самому, часто просил Полину, чтобы она читала для него.

В июле его перевезли из Луганска в Московский Гематологический Центр. Там был поставлен новый диагноз - лимфосаркома. Теперь уже трудно сказать, был ли ошибочным первый диагноз, или во время болезни произошло перерождение раковых клеток. Так или иначе, наступил день, в который лечащий врач сказал Полине: "Ему осталось два часа".

Сашу - Фому - причастили и соборовали, забирая из больницы. Вместо двух часов он прожил девять дней. Снова состояние в какой-то степени улучшилось. С этим диагнозом умирают в неизвестных мучениях, а у Саши болей в последние дни не было вообще. Врачи говорили, что так не бывает.

В последние дни, по словам Полины, он уже общался с иным миром. Видел и слышал то, чего не видели другие, причем это не было бредом - он был в ясном сознании. Несколько раз видел что-то темное, что его пугало - "Пэм, разгони их". Полина чи-

тала молитвы, Евангелие - они исчезали. В ночь на 21 августа он сказал ей: "Пэм, я пошел...", повторил несколько раз "я пошел", "я ухожу..." - до этого он еще никогда не говорил о приближении смерти. "Ты что, как же мы с Денькой без тебя?!" В ответ - "ничего, на вас огня хватит". Они прощались, а потом она сказала ему: "Давай молиться, чтобы Господь исцелил тебя. Вот увидишь, сейчас мы помолимся, а завтра этой болезни не будет". Он попытался приподняться, и они молились вместе... (В предыдущую ночь он сам сказал "давай помолимся", только не жене, а матери, Майе Степановне, дежурившей у его постели.) Огромный труд для него представляло осенить себя крестным знамением: он уже почти не владел руками.

Днем он лежал на раскладушке во дворе подмосковной дачи родственников. Был безветренный солнечный день. В 6:25 вечера непонятно откуда очень резкий порыв ветра. В секунду этого порыва ветра он поднял глаза к небу, и больше не закрыл их. Сердце остановилось.

"Значит, он победил..." Может быть, эта безболезненная, спокойная смерть - знамение милости Божией? "Христианская кончина живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на страшном судищи Христове просим..." : мирная смерть - дар Божий, о котором мы молимся на каждой службе. Но нам неведом суд Божий, и мы молимся о каждом ушедшем христианине. И мы просим всех, кто сочтет возможным, молиться о упокоении раба Божиего Фомы.

Место Вени Аркина в истории отечественного рока еще будет определено. Будут издаваться его записи, появятся еще - не хочу прогнозировать, какого порядка число - его поклонники. Важно, чтобы он был для них не просто любимым автором - чтобы пройденный им путь был осмыслен ими, и это осмысление послужило бы помощью каждому найти собственный путь к Богу.

Священник Дмитрий СТРУЕВ,

Спаси, Господи, рабу Твою Пелагию (именно так зовут Полину Литвинову в крещении) - если бы не ее доверие, ее помощь, этой статьи, конечно, не было бы. Пелагию - и чадо ее Дионисия...

ВМЕСТО ПОСТСКРИПТУМА:

ПОЛИНА ЛИТВИНОВА: Мне сложно говорить о том, что происходило. Словами невозможно это передать. Этот отрезок жизни — последние полгода — сопоставим по значимости со всей остальной его жизнью. Я знаю, что все люди, которые были рядом с моим мужем в больнице и на даче, где он умирал, очень много для себя вынесли из этого... Друзья, врачи, больные поражались его мужеству и силе духа. Еще за несколько месяцев до смерти нам говорили, что надежды нет, что он уже умирает. Такое происходило не раз. Но он выкарабкивался, он боролся до конца. Страдания, муки, которые он переносил, трудно представить. Но Дрантя не только ни разу не пожаловался и не дал нам понять, как ему тяжело — наоборот, он поддерживал нас, переживал и заботился о нашем самочувствии. Его сила воли, его помощь давали нам силы и надежду.

О. Димитрий: Помнишь, ты мне сказала, что именно в последние месяцы он стал по-настоящему любить людей?

Полина: Скорее, любил он всегда, но только в последние месяцы это явно стало видно. Незадолго до смерти он сказал мне, что очень любит всех. И сказал это так, что было ясно, что это не просто слова. И он имел в виду не только близких — эти слова предназначались всему миру.

Дыр очень многое унес с собой, но осталась любовь. Она помогает мне жить.

О. Димитрий: Ты могла бы что-нибудь сказать о том, как его приход к вере отразился на твоем духовном пути?

Полина: Ты знаешь, это все слишком лично... Да и, наверное, об этом еще рано говорить...

Александр Литвинов (Дрантя) с женой Полиной и сыном Денисом. 1996 г.

Анна Ахматова

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душе,
Ты в своих путях всегда уверенный,
Свет узревший в шалаше.

И тебе, печально-благодарная,
Я за это расскажу потом,
Как меня томила ночь угарная,
Как дышало утро льдом.

В этой жизни я немного видела,
Только пела и ждала.
Знаю: брата я не ненавидела
И сестры не предала.

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?

Для многих священник - это глубоко верующий с детства человек, человек не совсем обычный, другой. Насколько верно такое представление? О своем приходе в Православие рассказывает настоятель церкви Святой великомученицы Татианы (в Московском государственном университете) священник Максим КОЗЛОВ

Я РОС В НЕЦЕРКОВНОЙ СЕМЬЕ...

Отец Максим: Конечно, далеко не все сегодняшние священники выросли в верующих семьях - это вполне понятно. Я рос в очень славной, но совершенно не церковной семье советских служащих-интеллигентов, и религиозных традиций там не знали даже на уровне бытовой памяти. Я не помню, чтобы в детстве ходили на кладбище на Пасху, освящали куличи, брали святую воду... В общем, ничего связанного с пребыванием в Церкви и с какими-то церковными традициями у нас в семье не было, разговоры на эту тему тоже почти не велись. Поэтому до определенного возраста мое мировоззрение было весьма далеким от Церкви, которая ассоциировалась с образом агрессивных бабушек, все время что-то запрещавших: играть в футбол, одеваться определенным образом и т.д.

Так продолжалось до наступления отроческого возраста, когда произошло в жизни семьи событие, косвенно, но решительно повлекшее изменение моего внутреннего мировоззрения. Мне было почти 14 лет, когда я из единственного, любимого, обласканного и избалованного сына превратился в старшего брата. Причем брата сразу двух близнецов.

Когда их ждали в семье, я был очень этому не рад. Мой трезвый рассудок рисовал мрачные картины детского плача, пелено, вечно занятых родителей, вдруг обрушившихся на меня дополнительных обязанностей и всей той несвободы, которую я мог отчасти наблюдать в других семьях, а отчасти и представить своим уже не совсем детским умом.

И вот они родились, и время стало проходить в непрестанном попечении о них. Пришлось узнать, что такое стирка пеленок, бессонные ночи, когда дети кричат за стенкой и нужно идти помогать родителям, и т.д. Но парадоксальным (если внешне рассуждать) образом вдруг все это отзывалось в душе ощущением того, что я этих малышей, беспомощных и вонючих (а как еще их может воспринимать 14-летний подросток!), довольно сильно люблю! Никуда не денешься! Вот люблю! И устаю, конечно, ругаюсь, но

Священник Максим Козлов
(Фото Игоря Палкина,
"Татьянин день" - студенческая православная
газета МГУ)

представить мир без того, что они есть, без того, что о них нужно заботиться и что они такие родные и близкие - уже просто невозможно.

Тогда же передо мной встал вопрос: а почему это, собственно, так? Из моего прежнего мировоззрения это никак не следовало. Я в то время читал французскую классику, любил в беседах со сверстниками повторять красивые книжные фразы... До сих пор помню слова Стендоля о том, что человек один в этой пустыне жизни, называемой эгоизмом - все это казалось мне очень красивым. Но все это никак не сочеталось с действительностью моей жизни, в которой я более не находил ни одиночества, ни эгоизма! Такое несоппадение и привело к началу поисков: я почувствовал необходимость более серьезного объяснения того, что происходило в моей жизни. Это и было началом пути в Церковь.

Конечно, все произошло не сразу. В моем поиске сочетались весьма различные вещи: довольно большое влияние оказalo слушание иностранного, тогда запретного, радио. Совершенно случайно я наткнулся на религиозные передачи Би Би Си и начал их слушать, понапацу даже без большой охоты. В то время эти передачи сильно отличались от сегодняшних. В них регулярно выступал митрополит Сурожский Антоний и епископ Василий (Родзянко), тогда еще протоиерей.

Примерно в то же время я прочитал и "Братьев Карамазовых", а потом и "Бесов" Достоевского. И тогда же я узнал, что среди знакомых мне людей, даже среди родителей некоторых моих друзей (!) есть люди православные, верующие, с которыми я начал разговаривать на волновавшие меня темы.

- И Вы сразу стали православным?

- Ну, не сразу... Год или полтора продолжался такой период внутреннего подхода к ограде церковной. Еще далеко было до того, когда я сказал себе: "Да, я верующий человек, я верю, что Бог есть и что мир - это не случайное сцепление атомов и молекул". Еще долго продолжался период внутреннего борения с тем, чтобы решиться прийти или обратиться к кому-то с просьбой о крещении. Это был не страх о последствиях, хотя это и было советское время (1978 год), и тем более не страх, что родители не поймут. Это был, как мне сейчас кажется, внутренний страх вступить в совершенно иную, новую жизнь, знаний о которой у меня совсем не было...

Однако настало время, когда сомнения и страхи отступили, и я обратился к другу с просьбой привести меня в храм. Это был такой период внутренней и не-безболезненной подготовки: организовывалась возможность самой этой встречи, потому что Крещение регистрировалось, а поскольку родители наверняка оказались бы против, крестить нужно было тайно...

Кроме того, не могу сказать, что я тогда многое узнал о Церкви, что многое понял. Конечно, я уже читал Евангелие, другие книги Нового Завета. Но какую-либо иную литературу просто негде было взять, единственная книга о вере, которую я тогда прочитал в машинописном варианте - это "Диалоги"protoиерея Валентина Свенцицкого. Эта книга мне очень помогла. И все же знал я мало, по-прежнему сомневался. Но потом - не знаю откуда - появилась такая решимость... Это, действительно, дело благодати Божией.

После крещения я стал ходить в церковь каждый воскресный день, а иногда и в другие дни. Сначала я почти ничего не понимал в богослужении, кроме "Господи, помилуй". Даже молитвослов достать было очень непросто, и я понапацу не знал, что существуют

молитвы к Святому Причастию, что нужно поститься перед Причастием и проч. Правда, со временем я стал разговаривать со священниками, задавал вопросы...

Но даже не это было главным. Само пребывание в Церкви оказывало на меня огромное влияние. Я молился как умел, как получалось, и вот откуда-то взявшаяся решимость ходить и ходить помогла уберечься от каких-то отступлений и выпадения из церковной жизни. У меня не было таких кризисов, чтобы я бросал и уходил на полгода, а потом возвращался как блудная овца. Были какие-то дурные привычки, от которых со временем я отказался: курил и не сразу бросил после того как крещение принял, но ухода из Церкви не было уже никогда. И я благодарю за это Бога.

- Наверное, в жизни каждого человека были люди, встреча с которыми заставила иначе посмотреть на жизнь, что-то изменила в мировоззрении. Можете ли Вы рассказать о таких людях?

- Одного человека я уже назвал. Это владыка Антоний. Он был и остается для меня духовным ориентиром. Хотя лично я его в жизни видел только несколько раз: он тогда еще приезжал в Россию, и половина православной Москвы узнавала как-то по "внутреннему телеграфу", в каких храмах он будет служить и где проповедовать. Ведь никакой официальной информации тогда нельзя было получить.

Еще могу назвать мать одного из моих друзей - настоящую христианку. Внешне она совсем обычный человек, мать троих детей. Но для меня она явилась образом любящего, жертвуя собой человека. Человека, живущего целиком ради других, а не для себя одного.

Это, конечно, мой духовник, священник, который меня ведет со дня крещения до нынешнего дня. Это большая милость Божья - всю мою вот уже более чем 20-летнюю церковную жизнь пройти под руководством одного священника.

- Православие, к сожалению, многими сегодня воспринимается чуть ли не как постоянный плач и печаль, в которой нет радости. Мы嘅ываемся говорить, что это не так. А не могли бы Вы рассказать о случаях из Вашей жизни в Церкви, когда Вы чувствовали себя счастливым?

- Первое, что приходит в голову, это, конечно, первая Пасха, которую я провел в храме. Это было не в год моего крещения - тогда родители не пустили меня на ночную службу, и не было никакой возможности не послушаться - а год спустя. Это память на всю жизнь. Сейчас не всегда переживаешь такую радость - отчасти по выработавшейся привычке, отчасти по

многозаботливости, а отчасти и оттого, что знаешь, что должно быть, ждешь этого... Но тогда в первый раз это было настояще чудо: небо на земле. Со службы уходить бесконечно не хотелось. Не то, что не было никакой усталости, а просто я представить себе не мог, что так в этой жизни бывает, что так можно кричать "Христос Воскрес!", что это такая радость, которая длится и длится без конца.

Несколько раз в жизни было такое, когда произрастала решимость исповедаться в тяжелом грехе... И нужно было переступить через себя, прийти и сказать. И когда, по милости Божией, все-таки эта решимость вызревала и исповедь имела место, после этого тоже жить становилось можно, и ощущение милости, близости Божией, оно также было очень, очень рядом.

Еще в моей жизни был момент (более личный) - это когда я в Великий Четверг причащался вместе с моей невестой: мы тогда в одном храме исповедались и причастились. Для неё это вообще была первая исповедь и первое причастие... Пасха была поздняя, и Великий Четверг приходился на Первое Мая. Мы вышли из храма, сидели на лавочке в парке, неподалеку от храма проезжали машины с первомайскими транспарантами. Мы в это время сидели и держали друг друга за руки. Вот так бывает в этой жизни!

- А что, на Ваш взгляд, более важно для человека, который только становится на путь Православия: окружающие его люди или какое-то внутреннее движение, внутренний стержень?

- Внешние "подпорки", конечно, важны. Еще у апостола Павла сказано о том, что "худые сообщества развращают добрые нравы" (1 Кор. 15, 33). Человек, обретший веру, тянется к общению с теми, кто в вере уже пребывает.

С другой стороны, эта помощь не может целиком определять путь веры. Если человек будет держаться только на внешних подпорках, то как только их вдруг не станет, его вера может тут же рассыпаться. Так было со многими людьми. Например, школьник из церковной семьи поступает в вуз, сталкиваясь при этом с милой, развлечательной, веселой студенческой жизнью. И довольно скоро его прежний внутренний мир распадается, если нет чего-то большего, чем внешняя помощь.

Поэтому, конечно, самое главное - это внутреннее отношение человека к Богу и к Церкви. К Церкви не как к обществу знакомых, не как к приходу (я знаю - меня знают), но к Церкви как к Телу Христову.

Конечно, очень важно, чтобы был внутренний ритм церковной жизни. Он бесконечно индивидуален: для одного - это несколько раз в месяц, для другого - несколько раз в год, но именно такой внутренний

ритм и знание, что этот ритм есть, что необходимо приступать к Таинствам Церкви: к исповеди, к причастию, сознательно относиться к Церковному богословскому кругу. Это, пожалуй, главное.

- А как Вы считаете: где труднее всего оставаться православным?

- Конечно, очень трудно быть православным одному. Если рядом нет ни храма, ни одного близкого по вере и по убеждениям человека. Например, в советское время немало людей оказались в такой ситуации, когда на 100, 200, а где-то и на 500 км вокруг не было ни одного храма. Это всегда тяжело для души. Часто из-за этого человек закрывается, начинает отталкиваться от других людей - чего, конечно, не должно быть в жизни православного христианина.

Древние подвижники, кроме тех, кто достигал самых высоких степеней духовного совершенства, не жили поодиночке. Да даже и пустынники часто собирались для братского общения в воскресный день, встречались на Страстной или Светлой неделе. Это было относительное единение, подразумевавшее все-таки братское общение, только избранные удалялись от человеческого общества.

Но даже если силою обстоятельств мы оказываемся в некоем духовном вакууме, нужно помнить, что всегда рядом Христос.

Конечно, сегодня опасность невольной духовной изоляции уже не настолько велика, как вчера. Но свои сложности есть и тогда, когда ты оказываешься среди, простите за дерзость, "профессиональных" христиан, то есть тех, кто формально принадлежит к Церкви и должен стараться быть христианином. Скажем, в православных школах, гимназиях и лицеях. Подразумевается, что там все (или большинство) верующие, церковные люди: и дети, и преподаватели. Но вот когда ребенок видит некоторое несоответствие между тем, что объясняет преподаватель на уроке и тем, что происходит в жизни (Например: "10 раз напиши заповедь "Возлюби ближнего своего" - в наказание, к завтрашнему дню!"), то здесь, конечно, тоже кроется серьезная опасность. И не одна. С одной стороны, если ребенок склонен к конформизму, то он примет правила игры, поймет, что вот тут нужно с благоговейным видом подойти к батюшке, вперед других взять благословение, улыбнуться и на его вопрос ответить что-нибудь такое правильное. А тут вот главное - не попасться на глаза преподавателю, а, уйдя за порог, можно все - там другая жизнь начинается. В этом случае реально существует опасность стилизации под Православие. С другой стороны, для детей с большой внутренней искренностью существует опасность оттолкнуться от этого и, увидев долю лицемерия и неправды, вовсе уйти "в страну далече".

Тоже бывает и с взрослым: в вузах, семинариях, в православных институтах, поэтому ответственность тех, кто там работает, очень велика. Но и идущие туда не должны идти, как в духовный санаторий, а понимать, что только их внутренним усилием, а не внешними подпорками православной вывески будет укрепляться вера.

- Увы, сегодня многие верующие виноваты в том, что в Церковь не приходят новые люди. Что, по-Вашему, должны сейчас делать православные священники и миряне, чтобы люди, молодежь приходили в Церковь?

- Конечно, свою роль играет всякое внешнее действие. Конечно, нужно чтобы были православные газеты и журналы. Хорошо, что уже есть, что существует православное радио и ТВ. Но я не питаю иллюзий, что ваш славный журнал или газету "Татьянин День" будут читать так же, как "Московский комсомолец". Даже если найдется какой-нибудь спонсор, который проплатит 200-тысячный тираж - не будет этого.

Я думаю, самое важное, что нужно сделать тем, кто уже сейчас пребывает в ограде Церкви и ощущает внутреннюю ответственность за то, что происходит в Церкви, - создать на своих приходах обстановку невраждебности по отношению к новоприходящим. Чтобы человек не ощущал себя новичком (это наша старая беда), которого как пробку из бочки выталкивают, чтобы у него не возникло чувства, что он никому здесь не интересен и не нужен, чтобы ему не стали сразу говорить о том, что он не так одет, не туда пришел, не туда встал. Это непросто и часто приходится внутренне сердце свое ломать и принимать такого, пусть неадекватно себя ведущего, пусть не в том костюме зашедшего, пусть не ко времени спрашивающего, но вот оказавшегося в церкви. На новых, вновь открытых приходах с этой проблемой несколько попроще. Там не сложились традиции такой закрытой корпоративности, которая, увы, встречается еще на приходах старых.

Еще одна важная проблема, когда пришедшие в храм сразу видят лавки, книжки, крестики, золото, серебро, баночки, скляночки и т.д. За всем этим уже и не поймешь, что главное, что нужно, а видна лишь торговля. Понятно, что мы живем в трудное время, и Церкви нужны деньги. Но нельзя этим соблазнять людей, а ведь многие соблазняются. Я сам, когда вижу священника в рясе с крестом или монаха, стоящего где-то у метро, рядом с продающими "Спид-Инфо", думаю: "Уж не лучше бы вы помолились там, в монастыре, чем тут стоять - на соблазнах мира сего". Это, конечно, тоже нам мешает.

- Отец Максим, несмотря ни на что, сегодня очень много молодежи приходит в Церковь. Однако при этом далеко не все остаются в ней на долго. Как Вы думаете, почему так получается?

- Как мы только что с Вами говорили, нередко вина лежит на самих верующих. И все же обвинять кого-то всегда легче, но почти всегда неправильно. В конечном итоге, все зависит от самого человека. Я думаю, что тем, кто приходит в Церковь, нужно стараться постоянно себе напоминать, что мы идем искать в Церкви Христа, а не более приятных, чем в миру, сверстников. Мы ищем не такого сообщества людей, которое живет по иным законам, чем мир, от которого мы оттолкнулись, не старца-духовника, не чудес, тем более не красоты пения, не древних икон, - мы ищем в Церкви Христа. Вот если это будет так, если мы будем просто о себе напоминать, то все остальное приложится. И людей нам Господь пошлет, и даст доброго духовника, наставника и все прочее обретется. Но если мы будем искать прежде всего человеческого, то произойдет то, что почти всегда происходит. Человек, которого мы видели кумиром, обязательно упадет с того пьедестала, на который мы сами его вознесли. Сами, понимаете. Так что и винить в таких ситуациях некого, кроме себя. Например, сегодня многим не нравится, что на них не так посмотрели, их не так приняли, что у священника нет той широты или той узости взглядов, которая лично этому человеку понятна и прочее, и прочее.

- Отчего так бывает?

- Думаю, так происходит оттого, что мы сегодня все хотим подогнать под свою мерку: не я в Церкви, а Церковь для меня. Вот люди и начинают примерять, как перчатки - этот приход, тот приход, или эта конфессия, другая конфессия. Где мне будет комфортно и спокойно, там я и останусь.

Но христианство, увы, вещь некомфортная. Чего-чего, а спокойствия в этом смысле слова в Евангелии нам не обещано. А мы часто ищем этого: уходим из мира, в котором тяжело и грустно, для того, чтобы здесь "припокоиться", как на сеансе у психотерапевта. Но Церковь существует не для этого.

Жизнь Церкви - это невидимая брань, борение. Каждый из нас в таинстве Крещения обещался быть верным Христу. Не покой, а торный путь, тесные врата, продирание сквозь игольное ушко, так, что остается на нем вся оболочка, вся "шерсть" нашей привязанности к миру и все наше нежелание взглянуть на Небо - вот путь жизни церковного человека. Тяжело? - Да нет. Христос говорит, что иго Его - благо и бремя Его - легко. И это правда. Дай Бог каждому испытать это.

Беседовала Елена ЧУБЫКИНА

Миссионерские походы, организованные прихожанами храма Святого царевича Димитрия при московской Первой градской больнице, проводятся уже несколько лет (о первом походе мы писали в 5-м номере "Фомы"). Этим летом состоится уже пятая экспедиция.

Раньше эти поездки были более "романтическими": ребята плыли на лодках или байдарках по рекам, встречались с населением прибрежных деревень, рассказывали о Боге, крестили, давали концерт либо проводили беседу и упłyвали дальше. Теперь все происходит иначе.

Миссионеры никуда не "ходят", не упłyвают, а разворачивают базовый лагерь неподалеку от конкретного села. Здесь они вместе с жителями день за днем совершают Богослужения, проводят циклы бесед о Православии и организуют для молодежи костры, соревнования и вечера, занимаются с детишками в летней Воскресной школе.

Светлана Гаджинская

КРЕЩЕНИЕ В СИНЕГОРЬЕ

Страницки из дневника*

После подготовки те, кто пожелали принять Православие, крестятся.

Однако крещением миссионерское дело не заканчивается. В следующий раз экспедиция возвращается на прежнее место, помогает дальше налаживать церковную жизнь. Переписка же и отправка конкретной помощи не прерывается в течение всего года.

Мы предлагаем рассказ об этом опыте как бы "изнутри": перед вами - личный дневник девушки, которая была в миссионерском походе впервые.

* Фото автора

Теплый летний день в лесу. Мы сидим вокруг костра. Завтра будет крещение на реке. Отец Аркадий:

“Если вы спрашиваете человека, верующий ли он, и тот отвечает, что нет, спросите его, существует ли Бог. Если он скажет, что да, конечно, значит на самом деле он верит, хотя и не считает себя верующим.”

Год 1999. Август.

Приехала я в Синегорье всего на две недели, даже меньше. Увидела темно-зеленый ковер леса прямо под ногами - долго на него смотрела с высокого холма, на котором стоит село. Огромный лес, заходишь в него, кажется, что он живет своей жизнью. Старые деревья видели такое, что тебе и не снилось никогда. Но они молчат, они не расскажут ничего. Понять только можно, если долго-долго на них смотреть. И жить по-лесному.

А с людьми иначе. Много их собралось у реки на Крещение. Еще неделю назад они не догадывались, что есть на свете сила, которая может их вот так собрать с разных концов села, объединить их - разных возрастов и профессий. Мы, миссионеры, ехали из Москвы и тоже не знали, как нас встретит Синегорье...

Мы еще только выгружались из автобуса, а в селе о нашем приезде уже знали. Как потом сказали, думали, что мы туристы, и приехали за синей глиной, которой славятся эти места. Ребята выкладывали рюкзаки прямо на улице. Мы не сразу заметили, что из-за соседнего забора за нами внимательно наблюдают. Это была девочка лет четырнадцати, лишь через несколько минут она решилась начать разговор. Спросила, кто мы такие и откуда приехали.

Так мы познакомились с Надей, которая сопровождала нас, пока мы ходили по селу в поисках ночлега.

Люди нам встречались приветливые. Ребята местные пришли, вернее приехали на мотоциклах. Гоняют тут вовсю. Помогали нашим разгружать вещи, устраиваться. Женщина из дома напротив позвала к себе переночевать Татьяну Сергеевну и Аню, которые плохо себя чувствовали.

Отец Аркадий призвал нас не забывать: мы - миссионеры, и по нам будут судить о всех православных людях. Был поставлен походный храм, и состоялась первая за долгие годы в Синегорье служба...

Село Крутой Лог -
30 км от
Синегорья.
Обед под
открытым небом

...

Зоя - невысокая стройная девочка в спортивном костюме, ярко накрашенные губы, светлые волосы собраны в хвост.

- А церковь давно сломали?

- Давно.

- Или ты не помнишь?

- Меня тогда еще не было. Мама моя помнит.

Мы молча шли дальше по главной улице села. На перекрестке стояла корова в черно-белых пятнах. Она что-то медленно жевала и провожала нас задумчивым взглядом. Огромный лес был совсем рядом. Я никак не могла привыкнуть к такой красоте и все время смотрела туда.

- А если бы у вас в селе храм был, ты бы ходила в церковь?

- Да, - Зоя ответила сразу, не задумываясь. - Когда приезжаем к сестре в гости, просим, чтобы она меня в церковь сводила.

- А что тебе в храме больше всего нравится?

- Не знаю. Иконы так, свечи. И красиво! А еще когда папа ездил к себе на родину, на Украину, он привез книжку - Библию. Толстенькая она такая, красивая. И другие еще книжки. Тоже из церкви.

- А ты причащалась когда-нибудь?

- А? - не поняла она.

- Исповедовалась?

- Нет.

- Знаешь, что это такое?

- Ну да... Негде нам. У меня так папа уже немолодой. (Засмеялась) А еще ягоды собираем с мамой. На болото за клюквой ходим, но нынче мало ее и не знаю, как меня будут в школу собирать. Обычно так: то черники наберем, то брусники. Так все лето. Потом с картошкой управимся. Вот сейчас ягод нету, мы и ходили на сенокос. Нанимались. Дали нам немножко. Живем...

...

В следующий раз я видела Зою, когда дежурила у нашей церковной лавки. Зоя была не накрашена и я заметила, что ей так лучше: огромные голубые глаза, длинные темные ресницы, улыбка, светлая коса. А вечером я шла по селу, и вдруг увидела, как Зоя и ее подруга Валя с красивыми, на их взгляд, прическами, напомаженными губами, в коротких юбках шли куда-то. Сказали, что идут домой...

Почему-то резануло по сердцу.

...

Ехали-тряслись по кочкам и всю дорогу пели.

Когда наконец-то выбрались из душного кузова нашего грузовичка, увидели приготовленный для нас лесной лагерь: несколько палаток, разведенный костерок, свои рюкзаки, сваленные в кучу.

А тишина стояла лесная. Все вокруг казалось первозданным и нетронутым: зеленый-зеленый сосновый лес, по земле стелются маленькие кустики. Я никогда не видела столько черники! Она рассыпана просто везде, растет прямо из мха. Лес сосновый. Много ма-аленьких таких елочек. Есть и березки. Но в основном - сосны, которые высоко распускают ветви, поэтому небо видно только чуть-чуть.

Дима пропорол себе гвоздем ногу (потом еще дня 2-3 хромал, но говорил, что только из-за неудобной повязки). Так состоялся первый визит в местную больницу.

- А вы крещены? - спросил о. Аркадий хирурга.
- Нет.
- А собираетесь креститься?
- Да, конечно.
- А вы в Бога-то верите?
- Да нет, - сказал он и махнул рукой.
- А как же вы тогда будите креститься?
- Ну, ты же меня покрешишь, и я буду верующим.

Надя вызывалась помогать нам расклеивать по селу объявления о занятиях в Воскресной школе. Выяснилось, что она уже говорила со своими родителями о том, что хочет креститься. Но родители ее не крещены, и, видимо, состоялся разговор в семье, в результате которого ее вчерашняя решимость немножко поубавилась. Папа с мамой не хотят креститься, потому что много ругаются и считают это грехом.

Странно и необычно: только вчера ты разговаривал с человеком, который был полон сомнений, вопросов, не знает еще, стоит ли ему креститься, а сегодня встречаешь этого человека в храме.

Вдруг мы услышали рев мотоциклов. В лесу сильное эхо, поэтому казалось, что их очень много. Не то, чтобы я испугалась, просто от неожиданности... Отец Аркадий сказал, чтобы мальчики продолжали читать молитвы, а мы потихонечку расходились по палаткам. Стали появляться лучи яркого света. Шум моторов стих и погасли фары где-то на уровне нашей полянки.

Ребята пошли встречать незваных гостей. Отец Аркадий пошел впереди. Тут я вспомнила, что защи-

щаться им, собственно, в случае чего, нечем. Когда еще в Москве обсуждалось снаряжение для похода, о. Аркадий четко объяснил, что мы - миссионеры, и наше главное оружие - наша вера и молитва...

Оказалось, это были юные мотоцисты с девочками. Совсем еще дети. Им было просто нечего делать. Скучно...

- Нам предлагают костер сделать на стадионе. А мы хотим организовать его на пляже. На пляже-то, наверное, лучше или как? Вроде как-то интереснее там. Только комаров, наверное, больше там? - спрашивал о. Аркадий.

- Да... Комары-то ночью бывают... Закурить-то можно? - нежданные гости скромно сидели у огня, изредка поглядывали по сторонам. Сначала они было отказались от предложенного им чая, но потом взяли-таки кружки и печенье.

- У нас здесь не курят, вообще-то. А что, в школе, наверное, курительная комната есть специальная?

- "Зал для курящих", - нашел определение посточнее и посмешнее Сан Саныч.

Все прыснули от смеха. И чего я так испугалась рева мотоциклов? Такие тихие и скромные "рокеры" оказались.

- А вы все крещеные, да? - спросил о. Аркадий. - Будет кто-то креститься?

- Собирались.

- А на беседу сегодня приходили? - Гости отрицательно махнули головой, словно извиняясь.

- Завтра тоже будет, приходите завтра. Хотели ребята с вами в футбол поиграть, но уехал самый главный наш футболист. Мы без него проиграем, конечно. Надо нам, наверное, спеть что-нибудь для гостей, а? - обратился о. Аркадий уже к миссионерам. - Давайте нашу про разбойников. У нас есть песня любимая еще с прошлого похода - про разбойников!

Видно, я здесь самая слабая и захандрила: стало болеть горло и казалось, что я вся горю. Вспоминала папу. Почему-то именно в этот вечер стало страшно за него. Молилась. Утром проснулась и мне действительно стало получше.

Мне поручили дежурство у церковной лавки, то есть я должна была сидеть целый день в центре села у нашего храма с книжками. Много времени на одном месте, зато можно было поговорить с людьми, которые подходили. Я заметила, что и старшим и ма-

леньким синегорцам интересно. Взрослые просто чаще стеснялись задавать вопросы. Я вспоминала поездки по монастырям, описывала наш храм, свою собственную жизнь и приход к вере...

...

Мать и дочь - обе не крещены. Мать Галина Михайловна понимает, что креститься - значит менять свою жизнь. Это трудно. Тем более что 5 лет назад она пережила трагедию и вновь переворачивать все просто сил нет. Я посоветовала ей подойти к батюшке.

Вечером я их видела на нашем концерте, после которого они задержались и беседовали с о. Аркадием. Выяснилось, что бабушка этой женщины долгие годы хранила на чердаке старую икону, которую недавно отдали в музей, созданный силами Галины Михайловны. Раньше она была коммунисткой и атеисткой, но стала православной - после смерти матери.

Так икона из разрушенного храма - икона апостолов Петра и Павла - явилась с нами во время крещения на реке.

...

Подруги Оксана и Лена оказались моими ровесницами и студентками Кировского экономического колледжа. Я рассказывала им о своей жизни, о приходе в храм и первых моих "проблемах" с церковными бабушками - из-за длины юбки. Они слушали, и я не сразу заметила, что у Оксаны почти совсем растаяло мороженое, которое она держала за спиной. Потому что ей было неудобно его есть, пока мы разговариваем...

Река Кобра. Участницы похода на новопостроенных мостках.
Вскоре здесь будет происходить крещение синегорцев

...

Невысокая женщина лет сорока. Сложно ей верить. Она всю жизнь старалась делать людям только добро, не нарушать заповедей, а Бог посыпал не-посильные испытания. За что?! Она не понимала, за что. Пока я ее слушала, про себя все-таки осуждала ее: как же можно роптать на Бога, Который Сам так пострадал за нас!. Но тут я увидела слезы в ее глазах: она потеряла мужа. Через какое-то время вышла замуж - и второй муж тоже погиб, а недавно умерла мать... Горе у нее.

Мне надо было идти на молитву. Все вокруг уже собирались в сторону храма, что не ускользнуло от добрых печальных глаз моей собеседницы: "Идите. Помолитесь."

И я поняла, что мы не зря сюда приехали.

...

Мы с Надей пошли за гвоздями: ребятам нужно было сколотить помост для крещения на реке. Нам нужно было попросить у синегорцев, чтобы дали гвоздей, кто сколько может.

Мы пришли к магазину "Теремок", это одно из первых сооружений, на которое мы обратили внимание, когда еще только приехали. У "Теремка" стояли двое мужчин. Мы обратились к ним с нашей просьбой. Один молча отвернулся, сел и уехал на своей "девятке". Второй мужчина показался говорчивее, и хотя был в значительном подпитии, но держался твердо за руль своего красного мотоцикла... Он съездил и вернулся с гвоздями. Мы поблагодарили и собрались уходить.

Вдруг к "Теремку" подъезжает давешняя "девятка". Водитель вышел, и все также молча протянул нам еще гвоздей...

...

Калитка предательски скрипнула. Послышался лай собаки где-то в глубине дома. На наш робкий стук в дверь дернулась белая занавеска где-то над нашими головами. Время тянулось: просто мы немножко нервничали и не знали, как начать разговор с незнакомым челове-

ком, да еще насчет гвоздей. Но ребята просили нас срочно найти эти самые гвозди, которых даже в магазине не было, а иначе им было не построить помост на реке.

На пороге появился дедушка. Сразу видно - сильный человек, несмотря на совсем белые волосы и морщины на лбу. Сначала он недоверчиво на нас посмотрел, а когда узнал, что мы - "те самые миссионеры", смягчился. Теперь он смотрел на нас уже более заинтересованно.

Мы пытались ответить на его вопросы, кто мы, что мы и зачем приехали в село, но вскоре наш разговор превратился в монолог "за советскую власть". Потому что он работал тогда и зарабатывал: тяжело было с непривычки зимой на лесопилке, когда домой придешь, поешь и валившись спать тут же, а одежда так и стоит колом и не тает в тепле. Уважали тогда дедушку и он был нужен: когда почку вырезали, так на юг отправили, на воды - лечиться.

Он вспоминал прошлое и проклинал то, что творится теперь. Может, и потому, что тогда он был молод... Когда дедушка накинулся и на Церковь, на священников, на саму веру, я не выдержала:

- Но как же душа? Она-то страдает, и сколько еще мучиться будет...

Дедушка улыбнулся, глядя на нас сверху вниз, покрутил пальцем у виска:

- Смерти я не боюсь. И не такое видали. Что там? - А ничего, пусто. Наивные вы, неужто и правда верите в то, что они там себе придумали?..

...

Чтения у костра. Отец Аркадий:

Полное знание о Боге на человеческом языке невыразимо. Рассказывая об отношениях с Богом, мы должны говорить об этом как о тайне. Таинственность существует не только потому, что невозможно все рассказать о Боге, но и потому, что такая загадочность еще более привлекает к себе внимание человека.

В православных Богослужениях что-то понятно, а что-то и непонятно. Это было всегда. И хотя у первых христиан Богослужения были яснее и проще - все-таки оставалось и непонятное. Святитель Иоанн Златоуст объясняет это тем, что "понятное" нужно, чтобы твой ум во время Богослужения не скучал, а "непонятное" - чтобы ты стремился понять. Все упростить было бы неправильно и ненужно. Все объяснить - и человек успокоится. Все сделается привычным и обыденным.

Пользу от Церковного Богослужения человек должен сам уметь оценить. Можно предложить человеку сравнить состояние души, в котором он пребывает после службы, с состоянием души после просмотра фильма или после дискотеки.

Служба в походном храме, который миссионеры привезли из Москвы и поставили в центре села.

Соседи синегорцев, жители села Первомайское, которых тоже крестили во время похода, устроили для нас настоящий деревенский ужин.

Да, зрелища дают человеку возможность "отдохнуть" - но при этом он теряет чистоту, в его душе поселяются ненужные ему образы. Он лишается полноты бытия. Он уходит в иной, ложный, выдуманный мир.

Конечно, нельзя сказать так обо всем искусстве. Но в большинстве своем, ненастоящее, не подлинное, невысокое искусство оказывается вредно для души.

Присутствовать на Богослужении иногда совсем не легко. Оно не расслабляет, а заставляет бороться с ленью, мысли бывает трудно собрать. Не всегда бывает это сладко и радостно. Но польза несравненна: когда ты выходишь после службы, ты чувствуешь чистоту в душе.

Я помню, когда я только начинал ходить в храм, я ощущал даже некую пустоту внутри себя. Точнее, мне казалось, что это пустота... А это были чистота и покой.

Мы должны заботиться о том, чтобы наполнять свою душу, питать свою душу словами, потому что наша душа словесная, в отличие от бессловесных душ животных. Питание нужно телу, чтобы строить клетки. Слова строят ткань души.

Вы знаете, что высокоразвитые народы отличаются от примитивных народов своим языком. Мало слов, различных понятий у на-

родов на низшей ступени развития. Конечно, когда человек приходит к созерцанию Бога, он вообще смолкает, он не говорит. Но пока он еще на пути, ему нужны слова, чтобы душа этими словами жила, питалась. Зачем же наполнять свою душу нечистыми образами, грязными словами?

Духовная жизнь есть на человеческом языке невыразимая тайна. Процесс познания Бога и познания радости духовной жизни - бесконечен, он не завершается с нашей смертью.

Когда мы умрем - это не значит, что нам сразу все станет понятно и все тайны откроются...

Детишки блестят ослепительными улыбками. Многие девочки по самым строгим понятиям просто красивы. Как взрослые, так и дети бережно относятся к деньгам и всему, что покупается. Поэтому и детишки так радуются шоколадкам.

Сегодня около 30 детей пели. Причем у них славно получалась песня про Родину. Почти наизусть выучили "Отче наш". Всего в Воскресной школе было около 50 ребятишек.

В спортзале школы ребята сыграли в волейбол. Команда синегорцев была значительно сильнее, они

играли как-то слаженно, меньшие разговаривали и перекрикивались. Даже вид у них был более спортивный, чем у москвичей, которые не поддавались, нет! Просто они не нападали так агрессивно, не было столь резких бросков в сторону противника. Так я и не поняла - то ли изначально эта "тактика" у наших была продумана неправильно, то ли просто сказался нездоровий столичный климат и наш сидячий образ жизни. В итоге проиграли все партии (3:0 в пользу синегорцев). Но потом составили смешанные команды, и играть стало веселее и легче.

Крестики нашлись чудом.

Когда вечером, накануне Крещения, стало понятно, что крестиков на всех не хватит, бросились ловить машину, чтобы добраться до ближайшего храма в Нагорске. Машины не оказалось. За ужином о Аркадий обратился ко всем миссионерам. Решили, что покрестим бумажными крестиками, а потом пришлем из Москвы. Многие отдавали свои - деревянные, железные, медные, серебряные, большие и маленькие, почти новые и уже потертые крестики.

Я поняла, насколько еще слаба моя вера и любовь... Мой маленький золотой крестик у меня с самого Крещения, то есть с 11 лет, но я не смогла его отдать...

Село Синегорье. Проповедь перед крещением

Утро. Сидим, надеваем крестики на веревочки. И вдруг Ваня, вернувшийся из дежурства, напомнил про пакетик с крестиками, который оставался среди снаряжения, привезенного сюда и нераспакованного еще с прошлого похода. Там их оказалось больше ста - как раз столько, сколько нужно.

Я подумала, что чудо не в том, что крестики вдруг нашлись, а в том, что многие готовы были отдать свои собственные для крещения совершенно не знакомых людей...

Прохладное утро. Чуть дует ветерок. Выглянуло солнце.

Сегодня самый радостный день, самый главный. Сегодня Крещение.

Я стою на другом берегу реки Кобры. Здесь поют певчие, держат в руках икону Петра и Павла, из разрушенного храма. Речка отделяет нас от тех, кто собирается сегодня креститься: много детей, их родители, взрослые люди. Многие босиком, потому что стоим на песке. Мужчины и женщины. Молодые и старые. Стоит почти идеальная тишина. Начинается Таинство.

Батюшка читает имена всех тех, кто будет сегодня креститься. Цвета одежды разные: Красный и синий, зеленый и черный, - все пестрые, как люди, как их характеры, как их жизнь. И все вмес-

те, половина села собрались сегодня на берегу. Те, кто пришли посмотреть, стоят в сторонке.

В прохладную реку входят по-разному: кто-то нисколько не боится и сам легко ныряет с головой, а другого, наоборот, нужно погружать в воду. Некоторые заходят только по колено, на них батюшка выливает ковш воды, но они почему-то кричат громче всех.

Чтобы снять на камеру Крестный ход, нужно было забраться на холм. До этого момента ни разу не держала камеру в руках. Бегу со всех сил через поле. Запыхалась. Чудом успела. Залезла на крышу домика у дороги и оттуда снимала. Потом, наверное, от бега, заболел живот. Но в тот момент я не чувствовала ничего, кроме огромной радости. То, что происходило вокруг, было настолько существенное, что боль показалась просто глупой.

Оказывается, уже год, как в селе не было ни одной свадьбы. "А зачем расходы? - рассуждают девчонки. - Они и так между собой крутят."

Детишки - самые частые посетители церковной лавки. Им отец Аркадий разрешает дарить маленькие иконы, брошюры. Они очень радуются и бережно относятся к подаренным книжкам. В местной библиотеке новые книги выдают за деньги: маленьким детям - 5 копеек в сутки, школьникам - 10 копеек, а взрослым - по 30. Причем в селе это считается значительной суммой...

Когда я говорю с людьми, я стараюсь рассказывать о том, что я больше и лучше всего знаю. О самом дорогом и близком. О тех, ради кого молюсь. Часто вспоминаю папу...

Зоя Васильевна.

На пригорке пасется большая черная корова. Она показалась мне огромной, и проходя мимо этого мирного животного, я чуть испугалась. Но корова не обратила на меня внимания, как и пятнистая собака, лежащая неподалеку.

- Вы с батюшкой приехали? - обратилась ко мне женщина, сидевшая на зеленом пригорке. Она прервала чтение, и потрепанный любовный роман опустился на колени.

- Читают вот, чтобы с ума не сойти, - сказала, словно оправдывалась. - Я-то последний раз в церк-

Зоя Васильевна, бывший учитель русского языка в синегорской школе (справа), рядом - автор дневников

ви была, когда сына из морга везла. Как зашла, так и упала перед иконами. Чувствуя, что только здесь поймут. А священник тогда меня и спрашивал: "Что, ропщешь на Бога?" А я ему: "Ропшу! Не заслужила я такой жизни. Все смерти одни кругом. Откуда столько бед человеку?!"

Говорила она сбивчиво, но прерывать я не могла. Просто слушала. И смотрела с пригорка вперед. Там было небо.

- А дочка-то моя в больнице лежит. Шизофрения у нее. Совсем девочкой была, когда насильники увезли ее. Бросить хотели, погубить: на голову ей кислоту вылили, но она осталась в живых. Только помутилось у нее все внутри. Бедная моя... И слез-то у меня не осталось - горе какое!

Я слушала ее, она все рассказывала о своих близких - и передо мной проходили люди. Сначала жили - учились, думали, делали, говорили главные слова, а потом исчезали. Например, как ее отец...

- Прощался он с нами. Знал, что в последний раз. Не понимала я тогда еще ничего, маленькая была. Только папа так крепко обнял меня, на руки поднял, а мама ни слова не говорила. Потом только много лет плакала.

В воскресенье его забрали. С тех пор все ищу его могилу. Скрывали поначалу правду - Враг народа и точка. Но и теперь не найти мне его. А сколько

таких по России лежит? И не знает никто, и забывают внуки-правнуки. Молчат они, мертвые-то.

Ей пришлось скрываться, уехать на Дальний Восток: добрые люди посоветовали. Там вышла она замуж.

- Мы сюда приехали, так церкви уже не было. Говорят, что у тех, кто рушил церковь-то, потом дома скорели.

Отец еще мой, помню, повторял нам, что нет неверующих людей. Они, мол, только забывают о Боге. А как обрушится беда, сразу - "Спаси, Господи!" Кто еще поможет-то? На кого надеяться? Не может человек без веры, без Бога. Не человек он тогда.

Сидели мы на пригорке. Время остановилось. Час назад я спешила куда-то, думала о ком-то, а сейчас сижу рядом с этой женщиной. Весь век она вынесла на себе, все перенесла. Ссугулилась немного, и руки уставшие. А глаза все равно вдаль глядят, будто ищут или ждет кого оттуда.

Зоя Васильевна всю жизнь в школе преподавала русский язык и литературу. Выросли дети давно и разъехались, забыли, но кто рядом, помогает:

- Как бы я без них сейчас? Вся надежда моя на них. Добру я их учила, не кричала никогда. И от родителей за все время ни слова упрека не было. Теперь большие уже стали, семьи свои. Но и меня не забывают.

Муж Зои Васильевны был алкоголиком. Есть такая традиция у отчаявшихся, сломавшихся русских. Весь мир знает про водку, морозы и медведей. Кто-то даже гордится этим. А женщины терпят: матери, жены... Сыновья вырастают и следуют примеру отцов. Традиции у нас. Мало что меняется.

- Мама моя говорила, что нельзя человека осуждать. Никогда. Даже если он тебе плохое сделал. Нужно про себя молиться: "Господи, помилуй его!" Она сама так жила. Никто от нее злого слова не слышал. Работала, чтобы нас прокормить. Так и вырастила детей своих, а сыновей, получается, отдала, как и мужа: старший мой брат месяц до победы не дожил, а младший строил метро в Москве, там и засыпало его.

Я вздрогнула: всю жизнь в метро ездила, но не задумывалась, что даже метро на чьей-то крови и костях...

- Вы молодцы, что приехали. Жаль, храм походный у вас, увезете с собой. Кабы была у нас тут цер-

ковь, я бы заходила на службу помолиться обо всех моих или на праздник какой.

А вы молодые, жизнь у вас впереди. Главное - верите вы.

...

Проповедь перед крещением.

Отец Аркадий:

Мы с вами знаем, что Бог есть любовь, и никто не любит нас так, как Бог. И Бог, для того, чтобы нас спасти - потому что мы все с вами погибаем от грехов - пришел на землю и умер на кресте. Смертью победив смерть.

В третий день Он воскрес. Каждого из нас Он хочет сделать святым: чтобы никто из нас не погиб, не попал в ад, а вошел в Рай, в Царство Небесное. И ради этого Бог все сделал -

нам только нужно поверить в Него и исполнять Его заповеди.

Заповеди Его не трудны для верующего.

Первая заповедь - любить Бога.

Если человек не помнит о Боге, разве он любит Его? Если кто-то забыл свою жену или детей, разве это любовь? Помним ли мы о Боге всегда?

Вторая заповедь - любить ближнего как самого себя.

Это означает не делать другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе. Не хочешь, чтобы тебя ругали - не ругай других. Хочешь, чтобы тебе прощали - прощай других.

Если у вас есть на совести тяжелые грехи, то нужно в них каяться и не повторять.

У мужчин сейчас самый распространенный грех - пьянство, курение, они ругаются, изменяют своим женам. Если вы собираетесь и дальше так жить, не надо сюда заходить (показывает на воду). Тогда идите домой.

У женщин какие грехи? АбORTы, блуд.

У всех у вас есть какие-то грехи, но здесь, на пороге этого Дома их нужно оставить. Если вы покаетесь, Господь вас простит, и вода святая омоет следы этих грехов с ваших душ.

Крещение - дело серьезное. Бог нас любит и делает все, чтобы нас спасти. Мать, если видит, что ребенок себя плохо ведет, что она с ним делает? Наказывает, правильно? И Бог хочет нас исправить, а если мы его обманем здесь, то ждет нас наказание Божие.

Крещение - это начало новой жизни. Если вы хотите начать новую жизнь, то мы будем рады вам помочь, но войти сюда нужно не с высоко поднятой головой, а кающимися грешниками и грешницами.

Костер... Около 11 вечера, когда уже совсем стемнело, родители стали забирать детишек домой. А молодежь еще только собиралась. Выглядело это так: по полю, которое было как на ладони с высоты нашего пригорка, ехали мотоциклы. Их количество можно было легко определить по ярким фарам, движущимся друг за другом. Сначала на горизонте появилась парочка, потом еще одна, а чуть позже - целых 7. Один мальчик взял-таки гитару, долго ее настраивал, повернувшись почему-то спиной к свету костра, а потом спел очень грустную песню про свое родное село. Спел, как он сам себе представлял жизнь в деревне или как хотел бы представить.

Сели мы вокруг костра, словно старые добрые арбузья, которые сто лет знают друг друга. Загадывали песни на осеннюю тему, и обе смешанные команды (Синегорье+Москва) пытались вспомнить, кто больше. Играли и в шарады. Моя команда изображала слово "призрак" в 3-х частях. Сначала - сектор "приз" в поле чудес, рака в реке сыграла матушки Дарья, а я шла в ужасе по кладбищу с призраками. Не знаю, кому как, а мне было весело и я успела познакомиться с многими синегорцами.

Потушили костер поздно. Шли через поле. Небо было необыкновенно звездным. Туман расстился вокруг нашего холмика. Как обычно: кто-то пролетал верхом на "железном коне", а кто-то топал уставшими за день ногами до самого грузовичка. Но всем было грустно расходиться, и несколько мотоциков так и ехали за нами почти до самого лагеря: мы махали им рукой, они сигналили и мигали фарами.

Дядя Саша.

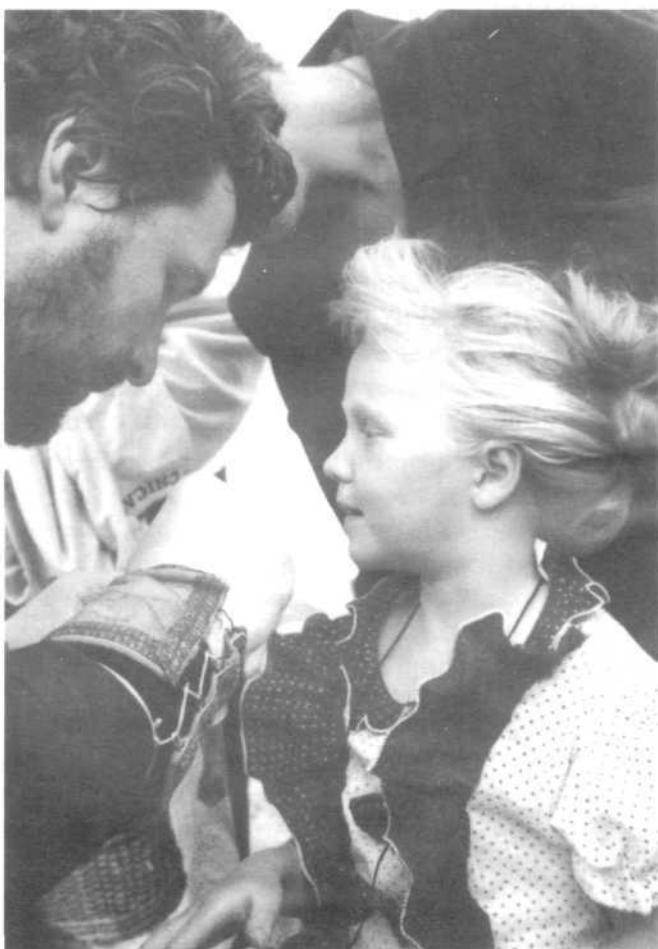
У этого человека - необычная судьба.

Хотя все началось, как у большинства нормальных людей - благодаря Богу и родителям появился

Питерский священник о. Артемий провел этот поход вместе с о. Аркадием и также участвовал в крещении синегорцев

на свет малыш. Но однажды морозной ночью по заснеженному лесу ехала его мать, и на всем скаку сани перевернулись... Потом долгие годы мать провела в больницах, а отец тем временем запил и распродал все из дома. Он даже пытался сдать Сашу в детдом. Но этому решительно воспротивилась бабушка Евдокия, о которой отдельный рассказ: на войне убили мужа (дедушку Саши) и осталось у нее на руках 12 человек детей. Они никогда не голодали и даже в послевоенные годы были обуты и одеты благодаря ее неустанному труду, хотя в годы колхозизации чуть было не расташено все крепкое хозяйство. Мать Саши была младшей - самой умной и любимой дочерью. Тем более страдала бабушка Евдокия из-за ее нездоровья.

Несколько лет Саша прожил у бабушки в деревне. Когда мать вернулась из больницы домой, она увидела только разоренное гнездо. Тогда она решила порвать с прошлым и с мужем-алкоголиком, забрала сына и уехала в Синегорье, купив там маленький домик.

С этого момента для Саши началась уже совсем сознательная жизнь с привкусом душистых бабушкиных леденцов (лампастиков), по особым случаям извлекавшихся из старинного сундука, и песнями, звучавшими по вечерам в родном доме.

Саше исполнилось 6 лет и он пошел в школу. Одним из первых научился читать и писать - радость и гордость мамы и бабушки.

Но появляется на горизонте Сашиной жизни новая фигура - плечистый кудрявый паренек из далекой Белоруссии. С 14 лет он скитался по просторам Союза. Был необычайно силен: мог ударом кулака быка с ног свалить. И чем-то приглянулась ему женщина с ребенком: то ли мягким характером, то ли трудолюбием своим и умением создать домашний уют. Ни разница в возрасте, ни уговоры бабушки не смогли помешать этой свадьбе.

Поначалу все шло хорошо: родился у Саши один брат, а через год - другой. Хотя отчим выпивал прилично, но и зарабатывал неплохо: печник - специальность на селе нужная. Он возвращался домой и валился спать, иногда только бросал на стол оставшиеся смятые рубли...

Мать пыталась поднять на ноги троих сыновей. Бабушка Евдокия к тому времени умерла и заступаться было некому. Начались драки, если это можно назвать дракой: здоровенный мужик избивает хрупкую женщину, стараясь бить по голове, чтобы следов потом не было.

На всю жизнь остались у Саши в памяти события зимней ночи: кухонный нож над маминой кроватью, налитые кровью бегающие глаза отчима и его безумный пьяный рев. В тридцатиградусный мороз с валенком на одной ноге Саша убежал к своей тетке, у которой прятался до рассвета. А потом вернулся домой - маму жалко, да и с братьями надо было нянчиться. Мать работала день и ночь, и Саше приходилось таскать с собой повсюду младших братьев, вызывая насмешки соседских пацанов.

К концу обучения в школе отношения с отчимом несколько изменились: Саша тоже стал попивать водочку, а потом еще бесчисленные праздники, свадьбы, на которые приглашали Сашку-гармониста.

Так пролетело время до службы в армии. В последний "вольный" год Саша много успел: были и драки, и угон мотоцикла, и ночевки под открытым небом с табором цыган. Отчим не раз спасал Сашку от тюрьмы как своего "единомышленника по жизни".

В армии Сашка близко сошелся с одним студентом филфака. Частые жаркие споры о смысле жизни, новые идеи, взгляды, книги...

Вернулся Сашка в родные края, пытался было за старое взяться, но тут впервые серьезно шарахнуло: язва желудка от отравления брагой. Да и компания уже рассыпалась - другие интересы появились. А может, повлияла на Сашку и встреча с его будущей женой.

Проснулась вдруг в нем неуемная тяга к знаниям. Окончив музыкальное училище, решил, что 24 года - пенсионный для музыканта возраст, и вершин ему уже не достичь. Начал он самостоятельно изучать электронику, радиодело, занимался резьбой по дереву, инкрустацией, вязанием, писал стихи и музыку. Вместе с женой Ниной без посторонней помощи, своими силами, в четыре руки построил дядя Саша свой дом.

Целый год занимался он телефонами Синегорья, на каждый столб для этого слазил. Зато теперь почти у всех в селе есть свой аппарат.

Сейчас учит синегорских ребят разных возрастов музыке. Организовал кружок, играют на шести инструментах. Музыкальные в селе ребята, но лени многовато и начисто, просто генетически отсутствует любовь к народной песне. Дядя Саша боится, что лет через 15-20 останется на завалинке один во всей округе гармонист - дедушка Саша.

- Когда приехали только, - говорит дядя Саша, - думали, что вы там какие-то аскеты. Но ваше пребывание развеяло этот образ. Такие же люди вы, как и мы...

В сколыхнули вы нашу стоячую сельскую жизнь, принесли много нового. Сподвигнули многих людей на... путь к... Все вышешнему. Может, кто-то бы и пришел к этому сам, но через какое-то время. Это, наверное, самый большой плюс ваш. Думаю, что и храм построят. Столько желающих! Я только "за".

Люди удивляются, что мы не берем денег за Крещение. Некоторые в с. Крутой Лог, услышав, что мы крестим бесплатно, решили, что это ненастоящие крестины.

Сегодня на беседе было около сорока человек, а в Воскресной школе в общей сложности семьдесят.

Народ все больше интересуется "Фомой". Раньше относились к нему настороженное, теперь все чаще попадается что-то интересное. Спрашивают,

как я оказалась в храме. Когда есть возможность, ребята читают. Говорят, что интересно, хотя фотографии не очень качественные.

...

Последняя встреча. Ольга.

Капал теплый дождь. На улице никого не было - все, скорее всего, уже давно вернулись домой после концерта. Тихо, слышу только свои шаги и шелест деревьев вдоль улицы. Вдруг позади - частое шлепанье по лужам. Обернулась: за мной бежала незнакомая женщина. Она назвала меня по имени и спросила, когда еще будут крестить. Так я познакомилась с Ольгой. Ее коротко стриженные светлые волосы смешно торчали ежиком в разные стороны. Она смотрела на меня удивительно голубыми глазами. Два таких светлых кусочка неба на фоне темного, уже засыпающего села. Но вокруг ее глаз было слишком много маленьких морщинок.

Я пригласила ее к нам, в помещение местного детсада. Пока все сидели в трапезной (кушать она наотрез отказалась), мы с Ольгой были в соседней комнате и разговаривали, а Илюша - ее сын - играл на ковре.

- Что со мной сейчас делается, сама не знаю, - тихо начала она.

- Уехали мы от него, потому что нельзя было жить так дальше. В магазине я тогда работала, надо

было на автобусе ездить. А муж будущий тоже там. Тогда я не знала, что он мужем моим будет. Он сначала с другой женщиной был. Потом ко мне... Тогда мне было девятнадцать, в двадцать поженились. Он на 3 года старше. Дети родились. Младшего когда родила, так Лене уже 5 лет было. Сколько у них было игрушек, зверей пушистых! - она посмотрела на лежащих в уголке мишек, машек и прочих плюшевых обитателей. - А уезжали, так все отдали.

- Когда я в последний раз попала в больницу, сильно он меня тогда побил. Он и Ленку бил, Илюшку только не трогал. Лежала я в больнице долго. Соседи маму вызвали, она забрала тогда Илюшку, а Лена у других жила, приходила ко мне. Один раз насобирала мне цветочков и клубнику. Мол, выздоравливай, мама, возвращайся, плохо нам без тебя.

Сам-то он обещал, что не будет больше, но потом опять бил. Стала я продавать тогда все: и ходильник, и ковры, только чтобы денег хватило на контейнер, вещи в котором перевозить. Сюда перебрались 4 года назад. Он приезжал тоже, прощения просил. Да что говорить, - Ольга посмотрела в сторону, будто махнула рукой куда-то в прошлое.

В леспромхоз тут устроилась. По-разному приходилось работать: и доски разгружали, и штукатурили, и лес пилили. Так ничего, только зимой холодно очень.

После крещения на реке Кобра все двинулись крестным ходом в храм. Впереди несли большую икону из старой, разрушенной в 20-е годы синегорской церкви

- Тяжело? - я представила, как в зимнем лесу орут пилы и падают деревья на снег. Женщины на лесопилке.

- Да нет. Когда их потом на станке колешь - нет. Но врач сказал, что нельзя мне. Знаешь, сколько мне лет?

Я не знала. Руки у нее небольшие, а ладони широкие, сильные. Смотрела она не по-взрослому, скорее наивно, а ведь дети ее уже в школу ходят.

- 33 мне. Старше выгляжу, да? - она улыбнулась и лет 10 свалились, убежали, пропали, будто их и не было. Сидели мы с ней как две подруги, только сын у нее. В это время он сосредоточенно нажимал на клавиши детского рояля. Звук был негромкий, осторожный такой. Ольга оглянулась на соседнюю комнату и сделала ему замечание.

- Пью я. Попробовала так, а женщина из клуба нашего говорит, что талант есть. Первую песню спела - Королева называется. Любимая песня моя. Спойши и настроение лучше становится.

Я слушала Ольгу.

- Природа здесь очень красивая, мне нравится... Брата у меня 2 старших. Один в Воркуте умер. Мы тогда на похороны ездили. Я никогда раньше так далеко не ездила. А другой пропал где-то. Писали письма, но никто нам не ответил даже. Не знаю, жив ли. Денег нет поехать, разыскать.

Приезжайте еще к нам! Только вот летом приезжайте, когда с огорода можно собирать. А то мы, бывает, и без хлеба сидим. И денег нет, и кушать нечего. И посмотришь на них, на детей-то...

Вот у бабушки когда пенсия, ей в магазине дают баночку маслица, две ножки курочки, соли и вермишель. И вот вчера замесила я тесто для хлеба, супчик сварила из ножки этой и сказала, что завтра придут к нам гости. Мы встали, я прибирала комнату, а Лена на веранде. Сказали, что ты придешь к нам в гости, вот. (Знала ли я вчера вечером, что на другом конце села меня ждут с такой любовью?) Помидоров, огурцов собрали. Мало нынче огурцов. Ни одной банки еще не закрыла. Такого у меня еще не было, чтобы ни одной банки... Бедные мы теперь совсем. Были бы огурчики побольше, я бы вам завтра на дорогу дала. Но мы соберем там, что есть.

- Вот люди здесь... разные, - необычная у нее была интонация: ни злобы, ни осуждения.

Фургон, в котором миссионеры ездили от села в лесной лагерь

- Они вам много плохого сделали?

- Нет, мне ничего плохого не делали. Но я-то знаю, что люди - они есть люди. И мстят друг другу, и ругаются, и воруют. Это грешники, значит, да? И знаешь... как сказать?.. А тоже пошли креститься... Я как-то все не могла подойти к вам. А теперь вот вы уезжаете совсем. Ты адрес-то свой оставь, я и письма писать буду. А еще лучше приезжай. Летом.

В соседней комнате ("миссионерской трапезной") все встали. Звуки доходили до нас четко: сначала скрип - грохот отодвигающихся стульев. Потом секундная тишина, шорох одежды во время поклона и молитва...

- Я вот верю в Бога, - тихо сказала Ольга уже после того, как в соседнем помещении закончилась молитва и все сели - и крестик ношу. А мне женщина одна говорит, что раз некрещеная я, то нельзя.

Вот я когда ложусь, думаю о вас. Мне сначала казалось, что вы приехали оттуда... как это сказать?.. Где все такие ходят, в черном и длинном?

- Из монастыря?

- Да, из монастыря. Думала, вот дети мои подрастут, к жизни готовы когда будут... можно мне к вам тогда? Вам-то можно замуж выходить?

- Можно.

- А там уже нельзя... в монастыре...

...

Последнее Крещение в Синегорье было в небольшом помещении детского сада.

Кроме Ольги, пришли еще 5 человек: две бабушки и тетя Нина с дочкой. Муж Нины - дядя Саша - не собирался креститься, просто привел свою жену и младшую дочь, а сам думал баньку истопить... Потом вдруг пришел и встал вместе со всеми.

Так дядя Саша, с которым мы давно подружились, оказался 400-ым крещенным в Синегорье.

Крестились в такой уютной, почти семейной обстановке, в окружении низких детских стульев, столов и наблюдавших за нами со своих полок игрушек... На одном таком стульчике сидел маленький Илюша и смотрел на маму. Сбежала и принесла Ольге свою белую в оранжевый горошек рубашку. Я ее сшила еще в школе на уроке труда. Взяла с собой в поход, но ни разу не надела. Пока бежала босиком от одного здания детского сада к другому за рубашкой, пришло в голову подарить Ольге свой молитвослов. Где она возьмет себе? За все время похода мне даже не пришлось открыть его, потому что мы всегда молились вместе.

После Таинства так хотелось поцеловать всех, кто крестился, поздравить! Вышла я вся в счастливых слезах...

...

Отец Аркадий стоял в дверях детского сада, увидел меня и спросил, что случилось, кто меня обидел.

Я не смогла ничего объяснить.

- От радости? - угадал он.
- Да.
- Ну, слава Богу! - просветел и перекрестился.

...

Сейчас я, летописец и свидетель почти всего, что происходило во время нашего славного похода, стою на крылечке детского сада, слушаю, как стрекочут кузнечики и лают собаки. Смотрю на темное небо и думаю, что если бы не этот поход, я бы никогда не узнала, какая действительно жизнь.

Благодарю Бога за то, что Он дал людям сердце, которое может так чувствовать, и слезы (они ведь могут капать еще и от радости!). Что Он умеет творить чудеса, на которые не способны люди, что Он дарит им радость, надежду, мир и любовь, которая так необходима всем.

Теперь у нас есть много адресов людей, которые будут ждать наших писем. Люди, ко-

торым мы постараемся рассказать о Боге, как умеем и можем.

Очень многое я поняла и постараюсь измениться. Мне было хорошо здесь, где все друзья.

ПОСТСКРИПТУМ. ПИСЬМА

"После вашего отъезда сразу стало в центре тихо. Но на душе стало так чисто, хотя я и раньше старалася не грешить."

Отпуск был ...Мне уже надоело было отдохнуть, но приехала ваша миссионерская группа и встряхнула народ. Разнообразили жизнь нашу. Я даже стал больше верить в Бога."

...

"Извини пожалуйста, что так долго не отвечала. Я копала картошку целый месяц. Тут муж приехал и начал пить. Я дома несколько раз не ночевала, потому что муж просит деньги на водку..."

Я уже устала так жить. Надоели все. Тут Светлана, никто не поможет. Даже Бог бессилен помочь. А на счет Бога я не знаю, Сомневаюсь, что он есть. Но посуди сама, у нас тут есть плохие женщины. Они и пьют, и гуляют, и таких мужья любят. Они живут хорошо. Я вот ничего такого не делаю, а мне в жизни не везет. Как тут быть?"

...

"...Хочу тебе сказать, что после того, как я уехала в Киров, пусть не регулярно и даже не очень часто я стала посещать Церковь. С молитвами, правда, у меня еще не совсем получается, но, надеюсь, что к тому времени, когда в нашем Синегорье откроется наш храм, дела у меня будут идти в этом плане лучше."

...

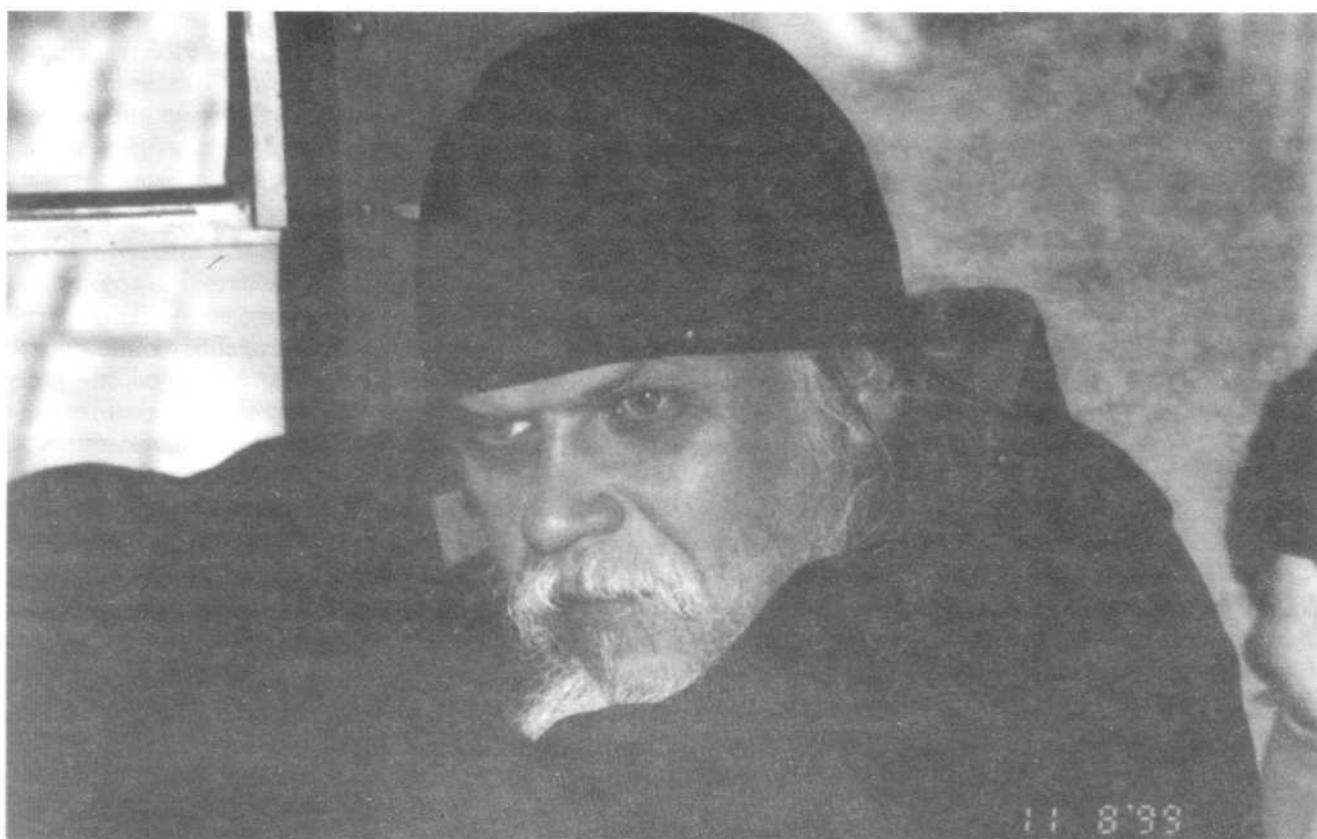
"Я, наверное, одна из тех, кто уверен, что справедливости не существует. Невиновные страдают, виновные радуются жизни. Пойми меня только правильно, ничего плохого я никому не желаю. Каждый живет как хочет или может."

Я живу одним днем, не думаю о том, что меня ждет в будущем. Я знаю, для чего нужна жизнь, но не знаю ее смысла. Ты наверное устала от моей писанины. Не буду утомлять. До свидания!

Напиши мне только ответ обязательно!"

...

...Зимой 2000 года мы уже снова были в Синегорье...

Отец Аркадий:

Есть такой английский писатель Льюис, который говорит, что страдания - это рупор, в который кричит нам Бог. Он может шептать нам, ласково вразумлять через других людей, но когда человек не слышит, последнее средство - страдания. Если человек не слышит этого громового голоса Божия, тогда мир, очевидно, подходит к концу и, наверное, скоро перестанет существовать...

"Возненавидеть мир" - это вовсе не значит возненавидеть людей. Христиане никогда не были человеконенавистниками.

Ненависть к миру - это ненависть к привычкам, "обрядам" этого мира. Я могу любить человека, но, конечно же, я не люблю того, что он выпивает. Я очень переживаю из-за этого, скорблю от этого и стараюсь его избавить от пьянства. Я люблю человека, но не его дурные привычки. И стараюсь его отучить от них, если имею возможность. Если такой возможности нет - я все равно продолжаю его любить, но понимаю, что есть его сущность, и есть эти пагубные склонности. От которых он - в любой момент! - может отказаться.

Алексей ВАРЛАМОВ

МЫТАРЬ

Рассказ*

Николай Петрович крестился в храме Ильи Обыденного в середине лета. Был поздний вечер, и кроме него и пожилого священника в крещальне никого не было. Николай Петрович сам наносил воды в купель, после чего разделся по пояс и стоял босиком в закатанных до колен брюках, ожидая, когда батюшка приступит к таинству. Из раскрытого окна доносились отдаленные звуки города, гул троллейбусов, звонки велосипедов и детские крики, в душной, нагревшейся за день комнате журкали комары - все было обыденно и просто, и эта обыденность как-то странно поражала его воображение.

Николай Петрович бывал в этом храме довольно часто. Он стоял обычно в стороне от молящихся, прислонившись к свечному ящику, и наблюдал за огоньками свечей перед образами, изредка поднимая голову, и разглядывал грубоватую роспись на потолке, прислушивался к пению хора и забывался в своих мыслях и воспоминаниях, дожидаясь каждый раз, когда служба кончится и люди, смешавшись, подойдут под благословение к священнику. Он любил все это, но никогда не мог представить, что сам встанет среди этих людей, будет также кланяться, креститься, прикладываться к иконам и опускаться на колени. Ему казалось, что, начни он так делать, в его действиях непременно проскользнет фальшь, потому что он не верит так, как они. Он словно глядел на все со стороны, хотя в иные минуты испытывал невыразимое чувство, что-то почти младенческое в своей нежности и любви к неведомой силе, собирающей их всех здесь.

Так он жил, имея веру в душе и полагая, что с него и этого будет довольно, но с годами им стала овладевать тревога. Его все чаще тянуло в храм, он стал понемногу разбираться, о чем поет хор и возглашает диакон, какая молитва за какой последует и чем отличается одно богослужение от другого. Это нисколько не приблизило к тому, что происходило в храме, и не дало душе успокоения. Напротив,

именно здесь он острее, чем где бы то ни было, чувствовал одиночество и неполноту собственной жизни. Душа его томилась, и в конце концов, так и не преодолев ему самому непонятный страх и не уверенный, что поступает правильно, он подошел к священнику, который ему нравился больше других, и попросил, чтобы тот его окрестил.

Священник задал ему несколько вопросов, спросив среди прочего, серьезно ли желание его стать христианином и насколько осознает всю важность этого шага. И Николай Петрович, избегая посвящать этого человека во все сомнения своей мятущейся души, коротко ответил "да", пожелав лишь, чтобы крещение было совершено тайно, без занесения его имени в церковную книгу. Привыкший к такого рода просьбам батюшка немного помедлил и кивнул.

Также медленно и обстоятельно он сделал все, что полагалось по чину, велел Николаю Петровичу самому прочесть трудный текст символа веры, подсказывая в непонятных местах, и после того, как все было кончено, поздравил его и произнес небольшую проповедь. Он говорил очень доходчиво и тепло, и его простые, ясные слова до такой степени растрогали Николая Петровича, что прежние опасения забылись, и ему стало легче, точно и в самом деле с этой минуты невидимый ангел взял его под свою защиту.

Было уже совсем темно, когда, попрощавшись со священником и неловко наклонив голову под его благославляющей рукой, Николай Петрович вышел на улицу. Город опустел, разгоревшийся за день асфальт отдавал жар, было тихо, и лишь кое-где в вышине изредка пролетал ветер, касаясь верхушек деревьев. Николай Петрович в чистой белой рубашке ощутил легонькую цепочку с крестиком, шел по глухим закоулкам и дворам и вдруг поймал себя на нелепом и смешном воспоминании, что, пожалуй, такое же пронзительное, счастливое чувство он испытал лишь однажды в жизни - в детстве, когда его приняли в пионеры и он шел среди других детей, распахнув куртку, с ярко-красным галстуком.

* Впервые напечатан в "Литературной газете"
(февраль 1995 г.)

Теперь он был переполнен детской благодарностью к Богу за то, что наконец все исполнилось и после стольких тягостных и бессмысленных лет и его жизнь обретает цельность, он станет ходить в храм и ощущать себя не сторонним наблюдателем, а истинным христианином.

Назавтра он пошел на службу. Был канун большого праздника, и народа в этот раз собралось много. Николай Петрович прошел вперед и встал возле клироса. Ему почудилось, что все его узнают и смотрят как-то особенно, точно радуясь тому, что Господь сподобил его перешагнуть отелявшую прежде от них черту. Началась всенощная, и он стал вместе со всеми креститься и кланяться после каждого прошения ектиний, с умилиением прислушиваясь к собственной душе ища в ней отголоски новых ощущений. Однако не прошло и получаса, как с ним произошла странная вещь.

Неожиданно Николай Петрович потянуло выйти на улицу. Это было какое-то очень мучительное, сильное чувство, какого он прежде никогда не испытывал, но храм, пение, запах ладана, свечи - все это вдруг подействовало на него угнетающе. Его взгляд против воли стал пробегать по сторонам, мысли и чувства рассеялись, и само пребывание здесь показалось бессмысленным и совершенно нужным. Он почувствовал себя еще более чуждым

всем, чем прежде, словно его заперли и насильно удерживают. Несколько священников вышли на середину для совершения литии - народ расступился, давая им место, и стало еще теснее. Из распахнутых окон несло зноем, и зноем несло от множества свечей, и Николай Петрович не в силах более совладать с собою, чувствуя, что, если он сейчас не выйдет, с ним произойдет что-то ужасное, стал проталкиваться к выходу.

На улице ему сделалось легче. Был обычный вечер, Николай Петрович присел на лавочку в соседнем дворе и, глядя на купол колокольни в лесах, задумался. Что-то непонятное случилось с ним, он вдруг опустил почти физическую тяжесть при мысли, что сейчас войдет в это душное и тесное помещение и будет стоять еще долгих два с половиной часа. Ему захотелось пойти домой, включить телевизор и смотреть какой-нибудь бессмысленный фильм, перемежая его с чтением не менее бессмысленной газеты.

Однако, бросив недокуренную сигарету, он вошел в храм, решив во что бы то ни стало преодолеть эту слабость и достоять до конца. И тут с ним произошла чудовищная вещь. Только он начал повторять вслед за священником молитву, как в мозгу у него возникло похабное слово и он несколько раз мысленно его произнес. Он попытался стяхнуть

его, как стряхивают с ботинка грязь, но ничего у него не получилось, и когда он опять обратился к Господу и Богоматери, в голове возникла жуткая похабщина. От ужаса и внутреннего отчаяния, не понимая, что с ним происходит и как это происходит, Николай Петрович покачнулся, пытаясь побороть этот ужасный голос, стиснул зубы, но тот настойчиво пробивался, привязавшись, как назойливый мотив. Это было настолько омерзительно, что не в силах более терпеть, Николай Петрович, не оборачиваясь, вышел из храма и бессильно отпустился на ту же самую лавочку, где только что курил.

Он был раздавлен и уничтожен всем происшедшем. Почему, как получилось, что именно теперь, когда он крестился и приблизился к Богу, когда очистился от прежних грехов и началась его новая жизнь - почему случился весь этот кошмар, он не знал и никак не мог себе объяснить. Но вдруг как холодная и трезвая догадка пришла к нему мысль, что в тот самый момент, когда он крестился и отрекся от сатаны, то получил не только ангела-хранителя, но и приступившегося к нему злобного беса, и по неведомой причине этот бес оказался сильнее.

Что теперь делать и как жить дальше, Николай Петрович не знал. Еще несколько раз он приходил в храм, молился, но всякий раз злобная сила, подстерегая его, заставляла произносить богохульства, и он с трудом удерживался от того, чтобы они не вырвались наружу. О том, чтобы пойти к священнику и все ему рассказать, Николай Петрович и думать не смел. Он стыдился случившегося, как позорной болезни, и жизнь его превратилась в адскую муку. Он уже не мечтал о том, чтобы вернуться в храм - он хотел лишь одного, чтобы бес оставил его, хотел жить, как тысячи людей вокруг, ни разу в жизни не задумывавшихся ни о Боге и ни о дьяволе, но пути назад не было. Одиночество его сделалось невыносимым, он не знал, что делать с собою, куда деться, как прожить это жуткое время и сколько оно еще продлится. А город по-прежнему изнывал от небывалой жары - солнце садилось в душное чистое небо, ночь не приносила прохлады, и снова начиналась жара.

Тогда отчаявшись, загнанный в угол, Николай Петрович в минуту просветления рассудка вдруг вспомнил, что священник говорил о том, что ему будет необходимо особенно в первое время часто причащаться, и скорее от безвыходности он решил это сделать. Несколько дней постылся и читал молитвы, с удивлением и тайной радостью замечая,

что ужасные слова и образы не мучают воспаленную душу.

Николай Петрович воспрял духом, казалось, кошмар забылся и после стольких мук он обретет долгожданный покой. Но когда на литургии после общей исповеди он стал подходить к чаше, рассудок его внезапно помутился, и его стала бить судорога. Испытывая невероятное омерзение к собственному телу, он словно извне увидел, как затряслись его голова и руки, и чем ближе была чаша, тем сильнее он бился и хранил.

Стоявший возле священника молодой дьякон крепко, привычным движением схватил его за плечи и стал подводить к причастию, добродушный батюшка, изменившись в лице, что-то строго крикнул и Николай Петрович как будто успокоился, но в последний момент, увернувшись от ложечки со Святыми Дарами, оттолкнул дьякона и бросился вон из храма.

От этого потрясения несчастный оправился не скоро. Еще долго его воображение преследовала жуткая картина, и он не мог позабыть, как тряслось ставшее будто чужим тело. По счастью, жара, больше трех недель испепелявшая город, спала, задул северный ветер, и Николаю Петровичу стало легче.

Постепенно он успокоился, и с течением времени, когда силы его восстанавливались, рассудил, что происшедшее с ним было не что иное, как нервный срыв, помноженный на невыносимую жару. Они-то и сыграли с ним злую шутку, и нет никакой необходимости искать иные объяснения. Но в церковь он с тех пор не заходил ни разу.

Лишь много лет спустя, когда эта история позабылась, и он вспоминал ее скорее как курьез, однажды бродя по Остожью, решил зайти в знакомый храм.

Несколько минут Николай Петрович стоял и глядел на знакомую роспись и иконы. Слушал, как поют певчие, но никаких прежних чувств, ни светлых, ни темных, в душе у него не было. Он собрался было выходить, как вдруг ему почудилось, что кто-то на него смотрит. Николай Петрович обернулся, но придел был пуст - только несколько свечей дотрагивали перед иконой Спасителя.

Он пристально поглядел на икону, побледнел, а потом сделал несколько шагов, неловко упал на колени и словно со стороны услышал свой собственный голос:

- Боже, милостив буди мне грешному.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ ОПЫТА

Что происходит с отечественной литературой, может ли светская литература быть христианской и зачем вообще литература современному человеку, - эти вопросы мы задаем писателю Алексею ВАРЛАМОВУ

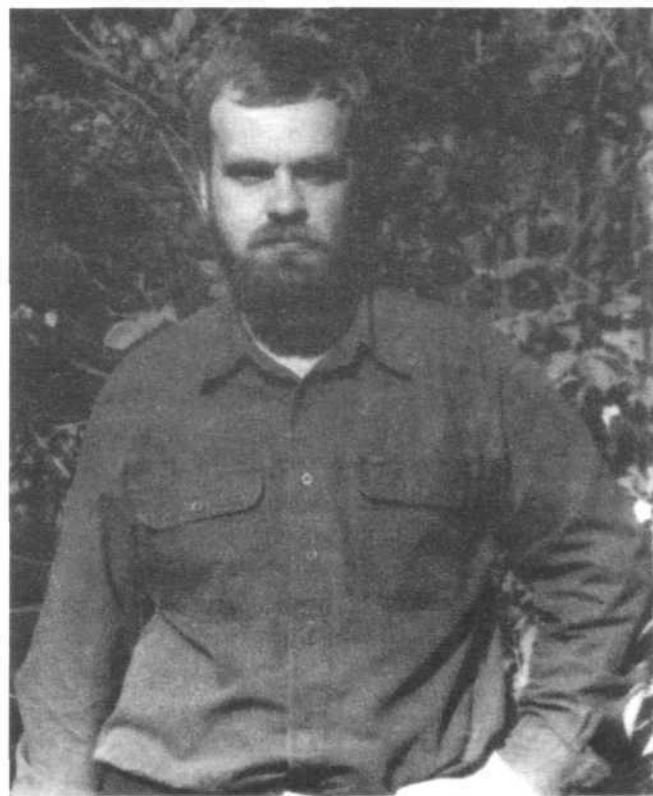
Алексей Варламов: Хочу начать наш разговор с того, что сейчас много и по-моему незаслуженно "задвигают" советский период в русской литературе.

Я помню, как меня поразила появившаяся в "Новом мире" несколько лет тому назад автобиографическая книга известного детского писателя Леонида Пантелеева "Я верую". Он ведет читателя через свой религиозный опыт, через свою религиозную жизнь, это производит очень сильное впечатление. И когда задним числом начинаешь вспоминать его хрестоматийные вещи, вроде рассказа "Честное слово", то понимаешь, что рассказ, где действует советский мальчик, советский офицер, - это абсолютно христианский рассказ. Таких примеров можно много найти.

Если взглянуть на русскую литературу советского периода под этим углом зрения, то результат получается крайне любопытный. Возьмем, к примеру, деревенскую литературу. В своих лучших образцах, она, конечно, была литературой христианской. Я не знаю, насколько Распутин, Белов, Астафьев, Федор Абрамов были тогда сознательными христианами, ходили ли они в храмы - полагаю, что нет, даже знаю, что нет. Но религиозное чувство в литературе ими возрождалось, поддерживалось.

В тех условиях, когда значительная часть нашего общества была лишена возможности читать Библию, это обращение к христианству через литературу (притом что литература имела громадное общественное значение), все это было чрезвычайно важным.

Тот путь, по которому шла советская литература, русская литература в советский период, был очень плодотворен. Не было религиозной свободы - значит об этих вещах надо говорить художест-

венными средствами. Создавать такой эзопов язык (хотя эпитет "эзопов" здесь не очень уместен, он скорее с сатирой ассоциируется). Но вот такой код создавать, все шифровать, символизировать. И это приводило к очень интересным результатам.

- Казалось бы теперь, в условиях наступившей религиозной свободы (хотя можно по-разному толковать, насколько мы теперь живем в религиозно свободном обществе и что под этим подразумевать), можно было бы ожидать какого-то возрождения христианской литературы...

- Мне кажется, что своеобразие нынешней литературной ситуации заключается в том, что современная русская литература в условиях этой самой свободы менее наполнена христианским духом, чем русская литература в советский период, как это ни странно. Сейчас писательское слово имеет очень малый вес, и проблема формирования души, предназначения человека на земле наполнены гораздо меньшим общественным звучанием. Волей-неволей это оказывается на художественном творчестве.

Современный процесс всегда трудно оценивать, над ним трудно подняться, расставить какие-

то логические акценты. Но вот меня поразил необыкновенно апокалиптический характер современной литературы. Неожиданно возникла тема апокалипсиса, которая объединила людей совершенно разных взглядов и направлений.

Причем апокалипсис понимается отнюдь не в христианском смысле, как окончательная победа Христа, начало новой жизни, а именно как время катастроф, огня, пожара, крови - нечто такое, чего надо бояться. Конечно же, совершенно неправильное понимание апокалипсиса, но именно такое понимание свойственно нынешнему обществу, нынешней литературе.

Если почитать современные художественные произведения, то в них находишь невероятное количество убийств. Причем это не детективная, не массовая литература, а та, что претендует считаться серьезной и печатается в солидных толстых журналах. Какая-то волна идет: убийства, убийства и еще раз убийства. И показаны они не в духе "Преступления и наказания" Достоевского, а в характере "Петлистых ушей" Бунина (где тот явно полемизирует с Достоевским).

Преобладают, конечно, идеи постмодернизма: нет истины, нет абсолютной иерархии ценностей, все относительно. А насколько, скажем, русская литература дореволюционного периода была христианской?

- А разве это вызывает сомнения?

- Здесь есть свои вопросы. Примем за факт, что Россия тогда в массе своей была христианской страной - какие бы ни были недостатки в нашей религиозной жизни. И вот интересно, что в русской литературе 19 века образов христиан все-таки до странности мало. Причем я даже не имею в виду священников или монахов, но даже образов мирян - простых, обычных людей, которые бы жили христиански-благочестивой жизнью - таких персонажей единицы. Все как-то о другом писали.

Розанов очень язвительно по этому поводу высказывался: он-де не понимает, зачем тратить столько таланта, столько сил на изображение таких ничтожеств, как Онегин или Печорин. Я немного вольно его перефразирую, но смысл такой. Это по-розановски полемически заострено, но какое-то рациональное зерно в его словах содержится.

Действительно, литература избегала почему-то рассказывать о таких героях. Или появлялся, например, князь Мышкин, но согласитесь, что кн. Мышкин - образ достаточно своеобразный. Вот разве

только у Лескова были попытки показать быть благочестивых людей, при этом не каких-то ходульных, а вполне живых.

Можно назвать Аксакова, безусловно православного писателя...

- Но у Достоевского есть еще и старец Зосима, и Алеша Карамазов. И пушкинские Татьяна Ларина и Гринев из "Капитанской дочки" - ведь это же христиане!

- И тем не менее, героев, которые духовно настроены не- или даже противо-христиански, очень много для тогдашней литературы, чтобы называть ее православной.

Тут я, может быть, в какой-то степени "пережимаю". Конечно, и в девятнадцатом веке, и сейчас литература призвана чему-то противостоять. Литература отстаивала правду, защищала человека, человеческое достоинство. Но враг, который принимает разные обличья, оказался сильнее. Литература, которая тогда была "наше все", не смогла противостоять злу. И возможно, именно потому, что стеснялась прямо заявить о себе как о литературе христианской, православной, отстаивающей евангельские ценности открыто и недвусмысленно. И случилось то, что случилось.

- Однако, как Вы считаете, насколько вообще правомерно понятие православной светской литературы?

- Скажем, католическая художественная литература, светская литература - это устоявшийся фактор. Во Франции даже есть такое направление - католическая литература: Франсуа Мориак, Жорж Бернанос - целая группа. Было ли нечто подобное в русской литературе и возможно ли такое у нас - вопрос.

На эту тему была у нас встреча в редакции журнала "Москва". И очень многие хорошие писатели говорили о том, что даже если они считают себя православными людьми, назвать себя православными писателями им помешала бы какая-то стыдливость, не решились бы люди так о себе сказать. Даже если бы они пытались в этом направлении работать. Что-то нас здесь останавливает.

Может быть, здесь вообще заложена философская, глубокая онтологическая проблема: насколько художественное творчество может быть делом, достойным христианина, насколько оно уживается с православием.

- Разве нет примеров и попыток писать с христианских позиций?

- Попытки написать христианскую прозу, безусловно, есть. Причем большей частью это делают женщины.

Олеся Николаева (это очень тонкий художник!) написала повесть, если я не ошибаюсь "Инвалид детства", в которой рассказано о женщине, приехавшей в монастырь, где живет послушником ее сын. Сын хочет постричься в монахи, а мать, обычная светская женщина, приехала "спасать" своего ребеночка от всего этого. И вот она сталкивается с миром монастыря, с миром монахов. Автор очень интересно это описывает.

Но чаще, в основном, даже в подобных произведениях очень много сусальной патоки. Беда нашей христианской литературы в том, что она очень умильная, очень сладкая, неправдоподобная. Подлинной жизни, какой-то плоти, необходимой для литературы, подлинно художественного содержания в ней нет. Вопрос - может ли вообще все это быть? На этот вопрос мне очень трудно дать ответ.

- Что же можно сделать для того, чтобы ситуация переменилась?

- Мне кажется, прежде всего, постараться описать свой собственный опыт прихода к вере. Большинство из нас не были рождены в православных семьях, не имели опыта христианского детства, того, что так гениально показывал Шмелев в "Лете Господнем", того, что было у Аксакова. Мы этого были лишены, но у нас было другое. Опыт прихода к вере в отроческие годы, или даже еще позже. Вот об этом писать, мне кажется, стоит, это интересно.

Автобиографизм - очень важная и интересная черта. Вот в 20-е - 30-е годы появлялось огромное количество автобиографических романов, по сравнению, скажем, с 19-ым веком, где биографий было раз, два и обчелся. Так и в нынешней литературе появляется очень много автобиографического, здесь люди не лгут, здесь люди искренни, здесь они пытаются познать себя. Этот опыт необходим современному человеку. Пусть не всех, но все-таки многих вопросы жизни и смерти волнуют, многие об этом думают, даже если не находятся в лоне церкви, не называют себя христианами.

Ведь сегодня практически нет человека, который бы сказал: "я - атеист", скорее, большинство из нас язычники. А атеистов у нас очень мало, поэтому на самом деле все эти темы чрезвычайно важны.

Такое собирание душевного духовного опыта прихода человека к вере, его осмысление крайне любопытно. Мне кажется, что сейчас литература превращается в такое накопление некого первичного материала, переживания собственного опыта, опыта окружающих людей, из этого может что-то вырасти. Разворотили старую культурную среду, сейчас в этом развороченном старом муравейнике создается новая культурная среда, которая, может быть, создаст что-нибудь продуктивное.

Однако, есть здесь какой-то барьер. Диакон Андрей Кураев, выступая в том же журнале "Москва", как-то говорил, что то, что нормально для католиков, для протестантов (описывать свой приход к вере), для православных момент очень интимный, они стыдятся об этом говорить. Вот и в современной литературе с обсуждением проблемы христианства случается странная ситуация.

- А что происходит?

- Ну вот, скажем, в прошлом году я был у Астафьева в Овсянке, там проходила писательская конференция, и я попытался высказать свои мысли на эту тему, но тоже в плане сомнений, размышлений, в плане постановки вопросов. И значительная часть аудитории высказалась в том духе, что нечего про это говорить, что тема эта слишком интимная, что вера должна быть в душе у каждого своя, в общем - какой-то стандартный набор фраз.

Мне кажется, коль скоро человек испытывает потребность говорить об этом, а я такую потребность испытываю, видимо, уходить от этой темы он не должен. Все равно она является сердцевиной нашей литературы.

Безусловно, христианской темы литературе не миновать. В свое время Солженицын высоко оценил роман Феликса Светова "Отверзи мне двери". На мой взгляд этот роман слабый по своему художественному исполнению, но вот замысел, задача, которую авторставил... Светов пытался показать интеллигентного человека (причем еврея, это было важно для автора), приходящего в православие. Подобного рода задача - дать образ человека, не обязательно еврея, и неизбежно даже интеллигентного человека, который приходит к вере, по-моему должна быть предметом литературы и на каком-то очень высоком уровне. А вот с уровнем у нас много проблем.

- Но все же есть какие-то положительные, с Вашей точки зрения, примеры?

- Конечно есть, хотя и мало. Для меня примером блестящего стилиста, проповедника, миссионера православного является митрополит Антоний (Блум), я читаю все, что выходит, мне очень нравится по содержанию, очень нравится по форме, что он пишет.

Мне нравится, что делает Андрей Кураев. Иногда мне кажется, его чуть-чуть заносит. Скажем, статья про Титаник (которая была в вашем журнале) мне показалась слабой. Я там не вижу ничего кощунственного, в этом смысле у меня возражений нет, но автора слишком "занесло". Он решил приспособить "Титаник" под свои какие-то идеи. "Титаник" не настолько хороший фильм, не настолько это великое искусство, чтобы на эту идею работать.

Когда Кураев приводил пример, что современные люди, пытающиеся что-то реформировать, похожи на "чайника", который зашел в кабину современного самолета и хочет какие-то кнопки изменить. Это был пример, более понятный, очевидный, для меня, более говорящий. Но это какие-то частности. В целом же то, что делает Андрей Кураев, замечательно, на мой взгляд. И в этом направлении надо больше работать.

Правда, сейчас я все чаще сталкиваюсь в нашей современной церковной жизни с попыткой отгородиться от людей неверующих, не христиан. Попытку поставить между церковью и ними такую преграду. Все, кто по эту сторону ограды, те спасутся. Те, кто по ту сторону - погибнут. Все это проявляется особенно остро, поскольку накладывается на какую-то апокалиптическость нашего сознания, с которой очень часто сталкиваешься.

Это мироощущение, которое существует на Руси столько, сколько существует здесь христианство, на мой взгляд, вообще сыграло с нами злую шутку. Очень многие события в нашей истории, вплоть до церковного раскола, и революция, и секты, которые возникали то и дело, все это почти болезненная тяга отыскать в современности какие-то апокалиптические признаки и впасть в то, что называется эсхатологической паникой...

Страшно, если это настроение возобладает. Даже когда дело касается неприятных для многих христиан черт современной жизни: телевизора, Интернета... Даже если человек в это вовлечен, все равно он - человек, он пока здесь, и имеет право на нашу христианскую любовь, на снисхождение и на достойное к себе отношение.

- Вернемся к разговору о литературе. Вы вот упомянули телевидение, новые технологии. А в этой ситуации - что вообще может сделать литература, полезна ли она? Насколько она воздействует на людей? Тем более, Вы сами говорите, что она сейчас, по большей части, не христианская.

- Христианская она или нехристианская, литература все равно лучше, чем телевидение, лучше чем кино, потому что она воспитывает в человеке независимое самостоятельное мышление. Если вы читаете книгу, которая вам не нравится - вы с ней спорите, вырабатываете свою позицию, свою собственную точку зрения.

Я думаю, что, например, кино больше обволакивает наше сознание, оно просто его порабощает. А если сознание порабощено, человек вряд ли обратится к церкви. Человек, который читает, скорее придет в церковь. И поэтому церковь должна искать в литературе союзника, она должна повернуться лицом к литературе. Это вовсе не значит, что надо принимать все, что предлагает литература, всему радоваться и всем восхищаться. Но надо все это читать, оценивать.

- Вы написали довольно много рассказов, героями которых были воцерковляющиеся или церковные люди. А Вы какие трудности испытываете, пытаясь писать на такие темы?

- Мне как автору очень не хватает нормального православного критика, точнее, именно священника, своего рода духовника для литературы, который бы взял на себя труд читать горы современных произведений и давать им некую оценку с христианской, миссионерской и пастырской точки зрения.

Иногда за это дело берется светская критика, которая, может быть, разбирается в современной литературе, но явно хромает в понимании литературы христианской. Когда они пытаются критиковать мои сочинения с христианских позиций, я понимаю, что не все у меня правильно, что-то плохо, но плохо по-иному, чем о том судят.

Если бы меня, например, стал "критиковать" священник, это было бы крайне важно для меня. Если бы нашелся литературный критик, человек с таким же темпераментом и запалом, какой есть, скажем у о.Андрея Кураева, и взял бы на себя труд разбираться в современной литературе, хотя бы толстые журналы читать - это было бы интересно и важно для нас всех.

Беседовал Владимир ГУРБОЛИКОВ

Религиозные прозрения некоторых писателей, например, Достоевского или Пастернака, были посыпаемы от Бога для восполнения пустоты религиозной литературы их времени, для какой-то духовной компенсации. Иногда их можно расценивать как глас Валаамовой ослицы, "остановившей безумие пророка".

Причем, интересно, что все религиозно-ценное, что есть в мировой литературе, восходит не к ученому богословскому рационализму, но к золоту подлинной письменности Церкви. Вот один пример. Отцы-подвижники очень советовали заучивать наизусть отдельные куски Нового Завета и Псалтири, чтобы постоянно жить в них. Бредбери, конечно, об этом не знал, когда вложил в сердце последних людей христианской цивилизации, живших в условиях атомного одичания, идею заучивания наизусть глав Евангелия, чтобы пронести их в темноте, как золотые звенья человечества (451⁰ по Фаренгейту).

Сергей Фудель "У стен Церкви"

Максим ЯКОВЛЕВ

ФРЕСКИ

Маленькие истории и
стихотворения в прозе

ИСПОВЕДЬ

У нас строгий батюшка. По воскресеньям он исповедует перед литургией и все ждут, когда, наконец, дойдет очередь до последнего. В этот раз последней была старушка. Глухая почти совсем.

- Вы что, на исповедь? - переспрашивает громко батюшка.

- Да вот пришла, - отвечает на весь храм, - а то, глядишь, помру...

- Грехи-то есть?

- Да как же, много, сынок, и ругалась вот и всяко было. Сильно я грешная. Ребеночка я тогда вытравила, в Круглове жили...

Батюшка быстро оглядывает нас. Но все стоят, опустив головы.

- Имя как? - кричит он.

- Да я не знаю имени-то, он ведь не родился, ребеночек. Я его...

- Твое, твое как?

- Мое? Я еще картошку мерзлую воровала с сестрой. С колхоза...

- Как зовут? Не сестру, тебя как?

- Антонина я... что, не простят меня?

Батюшка не знает что отвечать.

- Сильно грешная я... в войну тоже...

Он торопливо покрывает ее епитрахилю и она затихает, но не совсем, слышно как она еще что-то перечисляет. Ей удобно стоять согнутой, она ведь и ходит так.

- Господи, помилуй ее! - вырвалось у кого-то.

В ДЕТСТВЕ

В детстве моей "вечной" обузой во дворе была сестра, она была младше меня на четыре года. Как-то зимой она увязалась за мною с санками, а мне надо было убежать со сверстниками по своим делам и я, посадив ее на эти санки, безжалостно мотал ее на них, резко разворачивая и опрокидывая на виражах, добиваясь того, чтобы она сама оставила меня и не просилась со мною к ребятам. И надо было видеть, как этот неуклюжий маленький человечек, перевязанный шарфом, в шубке, терпеливо страдая, вставал после каждого падения и усаживался обреченно в санки и опять вставал, не смея заплакать... Сейчас я возвращаюсь в детство и уже не убегаю, добившись-таки ее горького плача и отказа идти со мной, нет, я бегу к ней, к своей сестренке и целую

ее, и отряхиваю ее от снега, и не нужны мне никакие ребята и никакие дела, я прижимаюсь к ее морозной щечке и шепчу: "Прости, прости меня, Юлька, не плачь, я никуда не уйду, я не брошу тебя..."

СКАЗКА

"...Вышла она, ножкой топнула, ручки веточки-ми пораскинула, зацвелась, зарделась вся, ягодка сладкая, смородинка, яблынька белая, ухоженная. Что ж тебя не берет никто, мимо ходят, за метлою пустою гонются, а сюда и не глянут как следывают? Для кого ж она така беленька стоит, кому достанется? Никому не досталася. Кончился ее бабий век, опустила рученьки, пригорюнилась.

Вдруг - стук-постук, на пороге - друг! Среди ночи гром-война, открывай ворота, встречай - ура! Душа обмерла..."

- Ты че, сказку слушаешь?! Пошли, нас пацаны ждут, скорее, там Фана билеты достал, понял! Надо еще шарфы и флаги успеть забрать, понял! Ие-ес! Сегодня мы им дадим за тот раз! Скорее, бежим!

"Интересно чем же там кончилось с этой, которой не везло, - думал он по пути, - не может быть, чтобы так кончилось... "на пороге друг". Конечно, все будет хорошо, конечно... в сказке всегда так бывает..."

Через тридцать лет он вспомнит об этом. Будет и гром и война. Будут и ворота. Он постучится в дом во время грозы, вымокший до нитки, и она откроет ему.

Вот тогда и вспомнит...

ВОТ ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ БОГОМ

Вот если бы я был богом, я бы не удержался и провел рукой по верхушке леса. Это совсем не больно - как по метелкам полыни, так ведешь по ним долго, медленно... а если вдруг что-нибудь упало: труба там или вышка, я бы поднял и поставил на место. Обязательно. Или летит, допустим, самолетик, а я бы его взял так тихонько под крыльшки - и опа! - перенес его вмиг куда нужно. Вот бы все обалдели. Конечно, я помогал бы чем мог... Все-таки для всех людей я бы, пожалуй, богом не потянул. А вот для своих, для друзей, для тех, кого знаю и помню - другое дело. Я бы собрал их вместе и сказал: "Знаете как я вас люблю всех, дорогие мои!" И дочке бы сказал: "Ты не обижайся уж так на папку своего, он, знаешь, все время о тебе думает, ты бы приехала к нему..."

ВЕСНА

Весна. Какая грязь. Какое небо! Великий пост, великое очищение. Ногам противно, а душа поет. В соснах уж столько июльского солнца, а воробы на глазах превращаются в пузатые свистки и верещат, как зарезанные!

Ослепительные ручьи, дермо и мусор. Внизу невыносимо гадостно и стыдно пред чистотою неба.

Труднейший труд: "... избави мя от всякия нечистоты" ...

КОТ

Я знаю одного кота. Он тоже знает меня. У нас особые отношения. Он почему-то считает, что участок под моим окном до соседского заборчика принадлежит ему. Я с этим не согласен. Во-первых, я здесь живу, правда, он тоже, но я поставил на участке стол, вкопал скамью, обустроил, никто из соседей не возражает и вообще... Этот кот залезает на стол с грязными ногами, еще и развалился демонстративно на виду, мало того, он орет по вечерам под самым окном, без всякой надобности и оправдания, к тому же повадился лазать в подпол через дыру под крыльцом, которую я все собираюсь заделать. Несколько раз мне удавалось попасть в него огрызком яблока, но это пока все чем я могу похвастать. Всю зиму он непременно оставляет на участке "пару строчек" следов, не ленясь отпечатывать их после каждого снегопада, как своего рода "письменное" подтверждение права на это место.

И вот возвращаюсь я домой, вижу - сидит у меня на крыльце, стервец, лицом к двери главное, как будто в гости пришел. Нашел я пруток погибче, подкрадываюсь сзади, замахнулся... А он повернулся так, посмотрел вроде как "да ладно тебе"... Постоял я с поднятой рукой, сел рядом. Честно говоря, у меня тоже настроение было не ахти... Посидели ма-ленко. Вечер-то теплый какой... Да, скоро весна...

ВОСКРЕСЕНИЕ

Апрельский день тянулся нескончаемо. Наступил длинный вечер. На улицах поселка уже ни души. Пробежала собака. Пронеслось несколько машин, синий воздух темнеет с каждой минутой. На окраине, у шоссе стоят у ларьков и колобродят подростки. Бесконечный конвейер автомобильных огней: красные, как угли, - вниз, белые слепящие - на встречу. Мигает светофор. Разговоров почти не

слышно. Люди идут, вытягиваются вдоль шоссе, идут парами, группами, поднимаются на взгорок... Вокруг церкви море народа. Подходят и подходят. Здесь одна молодежь, многие курят, но не явно. Внутри тесно, жарко, битком. Идет служба. Поет маленький неспетый хор. Иногда вдруг слышен бас. Душновато. Не то что кланяться - креститься невозможно. Батюшка поет торопливо, все время подходит к хору, что-то подсказывает. Те, кто помоложе, протискиваются вперед. Со всех сторон передают свечи, шепчутся, подталкивают, напирают. Алтарники готовят хоругви, что-то падает. Хор очень старается. Становится еще теснее. Пьяного парня выталкивает к выходу ласковый старичок. Тот нескованно удивлен, но почему-то подчиняется. Он все-таки пытается угрожать и сопротивляться, но нет, не получается. Все бабульки сбились у правого клироса и в глубине тоже кивают одни платочки. Парик от много го дыханья, от сотен свечей. Наконец батюшка выходит в золоченой ризе с трехсвечником. Закачались хоругви и фонари, народ стал раздаваться к дверям. И вот поплыл старушечий ручеек с иконами на полотенцах, следом благообразный стафоста, хористки, за ними высокий скалоподобный "бас", потом двинулись остальные, зашатались головы, плечи. Все с красными свечками, которые вставляют в бумажки и обороняют от ветра ладонями. В притворе снова застопорилось - у батюшки что-то с кадилом. А на улице - тьма, во тьме море людей, россыпи огоньков трепещут и гаснут. По ходу какая-то неразбериха, под ногами мрак. Впереди замешкались, выбирая дорогу; задние наступают на ноги, спотыкаются; хор пытается петь; батюшка говорит кому-то, показывает, сердится... "Чистым сердце-ем". Крестный ход огибает церковь, поет, подпевает старательно. У батюшки погас трехсвечник, ему дают огонька, идут, чмокая по лужам, по глине, стукаясь по доскам, по кирпичам. Вот стали у входа. Двери закрыты. Пальцы красные от воска, головами все к батюшке. Батюшка поворачивается, и: "Христос воскресе!" "Воистину воскресе!" - вскрикивает испуганно. С каждым разом все радостней, нетерпеливей. Кричат все. Прорвалось. Двери отворяются, ходоки вваливаются в церковь, топают. Начинается пасхальное богослужение, хор поет весело, похоже на плясовую, батюшка кадит, ходит быстро. Он то в одной ризе, то в другой выйдет: красный, зеленый, белый, золотой! Народ схлынул. В церкви свободно. Стоят те, кому причащаются.

Ночь теплая... Воскресение.

БЕСНОВАТЫЙ

В храме притушили свет. Служба закончилась. Осталась последняя горстка людей, стоявших на исповедь, человек семь, не больше. Сейчас должен идти я, батюшка дал мне знать, а пока я переминаюсь с ноги на ногу и стараюсь не думать о пояснице, которая давно уже мечтает только об одном.. Батюшка тоже устал, но я не столько вижу его усталость, сколько догадываюсь о ней, от его плоской сутуловатой фигуры с длинными узловатыми руками веет древним родным монашеством, он слушает. Женщина уже исповедалась, но не уходит, о чем-то просит батюшку, просит умоляющее-неотступно, показывает вглубь храма, он кивает ей и смотрит на меня. Я понимаю, что моя очередь сдвигается еще на одного человека и вздыхаю мученически. Женщина кого-то зовет, убегает, ведет и подталкивает осторожно какого-то рослого парня, и тот встает передо мной, перед всеми нами, отстоявшими добросовестно более трех часов, он встает, крепко расставив ноги, мы видим как священник ласково то ли спрашивает о чем-то, то ли уговаривает его. Парень поднимает голову, и она поворачивается к батюшке, похожая на башню тяжелого танка. Следующим движением он хватает батюшку за нос и наотмашь бьет его, но батюшка успевает вырваться и увернуться. Стоящие рядом мужчины оттаскивают хулигана в сторону, но он ходит, ищет прорваться к священнику. На него страшно смотреть, вместо лица - мертвая белая злоба. Мы встаем перед ним, и я наконец-то готов к драке, я жду момента. Откуда взялся небольшого роста парнишка, обнимает его, говорит ему что-то как старшему брату, убеждает и утешает по-свойски, даже уводит его за колонну. Батюшка огорчен, но мать снова просит, просит неотступно, как будто ничего не случилось. Батюшка пожимает плечами. Она что, рехнулась, не видит разве, что это невозможно, что его и близко нельзя подпускать к батюшке, о чем она просит, она ненормальная! "...Он обязательно должен причаститься, понимаете, обязательно, Вы должны..." Снова шум, парень бьет своего "утешителя", качаются и звенят лампадки, спешу туда и уже знаю как буду бить - так чтоб не встал. Его держат за руки, он вырывается и рычит, какая-то женщина, опережая меня, с бутылкой святой воды, подбегает к нему и полными пригоршнями начинает умывать его, как непослушное дитё, привычно и споро, не давая опо-

мниться. Парень откидывает голову, падает на колени, его начинает трясти, он бьется, он орет пугающим голосом, потом воет, потом сникает и вот уже рыдает жадно, захлебываясь, словно дорвавшись-таки до этого всей душой.

- Молитесь, молитесь все! - просит батюшка, он осеняет его крестом, брызгает святой водой и все громче, все увереннее читает над ним молитвы.

Один из держащих несчастного прижимает к себе его голову и целует его, кто-то гладит его по щеке, все стараются говорить что-то доброе, сажают его на лавку, обнимают, все молятся, крестят и крестятся... я разжимаю кулаки. Мать хлопочет, ей неудобно и радостно, "... о, женщина, вера твоя!" Парень мирно всхлипывает. Батюшка накрывает его епитрахилю. Плачет и каётся вслух парнишка-утешитель: он, оказывается, ударил один раз этого парня.

Так горько плачет, ему и невдомек, что он взял мой грех на себя. Господи, среди нас нет никого грешнее меня!

ИДЕТ РАБОТА НАД ФРЕСКОЙ

Идет работа над фреской. Нанесена штукатурка. Теперь только вперед, пока она свежая. Прикладывается картон с рисунком, протыкаются шильцем контуры, припорашивается порошком. Убираем картон, соединяем кистью точечки абриса. Краски уже намешаны, все наготове. Берем эскиз. В нем намечено то, что мы желали бы получить, чего мы будем добиваться по мере сил. Хотя это всего лишь фрагмент. Мы пишем, меняем кисти, мешаем сходу цвета... Покривляем на помощников, пинаем препятствия под ногами, ворчим на погоду... Краска уходит в известье, пропитывает ее насквозь. Когда высохнет штукатурка, - исправления бесполезны, можно только сбить ее со стены и начинать заново. Отходим, смотрим. Как будто бы неплохо, но, честно говоря не так, как мы хотели. Еще можно поправить. Нет. Поздно. Темнеет. Ноют спина и руки. Вспоминаем вдруг, что голодны невыносимо.

Завтра будет другой фрагмент, та же работа... Так заполняются стены храма. Моем руки теплой водой, шутим устало, причем досаду. Мы так привыкли, по-другому нельзя. Ночью мы смотрим в темноту, нам кажется, что следующий фрагмент будет лучше. Мы просыпаемся с этим чувством, мы почти уверены в успехе. Идет работа над фреской...

О Боже, расшири в нас чувство товарищества со всеми живыми существами, с нашими меньшими братьями, которым Ты дал эту землю, как общий дом с нами.

Да уразумеем, что они живут не для нас только, но для себя самих и для Тебя, что они наслаждаются радостью жизни так же, как и мы, и служат Тебе на своем месте лучше, чем мы на своем.

Святитель Василий Великий, IV век

Самые меньшие братья

Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился, старался
Завтра в новом блеснуть плаще.

Анна Ахматова

Братья наши меньшие - так в странах христианской культуры называют животных, в особенности, разумеется, домашних. Растения у нас принято называть более обтекаемым, в сущности, мало обязывающим выражением "зеленые друзья", однако почemu бы и не присвоить им "звание" самых меньших братьев? Дело даже не в том, что это вполне соответствует положению вещей в мире и поэтому укладывается в русло естественнонаучных теорий, а в том, что такое название, как представляется, соответствует тому глубинному осознанию роли растений в жизни человека, которое проявляется в литературе. В этой статье мы и будем говорить в первую очередь о том, какими глазами смотрит на растения литература - и не только художественная.

В Библии, описывающей движение человечества к Богу, растениям уделяется достаточно места, чтобы можно было понять, насколько важна их роль в жизни человека. Растения часто упоминаются в притчах; так, в 4-й главе книги пророка Ионы пророк огорчается и раздражается оттого, что жители Ниневии покаялись перед Богом, и Тот пощадил город. Бог же произрастил большое растение, чтобы Иона укрывался в его тени от зноя, а на следующий день сделал так, что растение засохло, и раздражение пророка достигло от этого крайних степеней. И тогда Бог сказал ему, что если он так скрушаётся о растении, то как же Ему, Богу, не жалеть города, в котором более ста двадцати тысяч человек и множество скота? Тем самым все живые существа - люди, животные, растения - выстраиваются в одну цепочку потому, что все они достойны любви и сожаления.

Фрагмент статьи из православного журнала "Альфа и омега" N 3 (21), 1999.

В Ветхом Завете человек вообще часто сравнивается с травой; это - напоминание о хрупкости, мимолётности человеческой жизни, о том, что физическая жизнь - явление временное и чрезмерные заботы о долголетии бесполезны. Самое знаменитое из этих сравнений принадлежит великому пророку Исае (Ис 40:6): всякая плоть - трава; это сравнение повторено в Новом Завете в 1 Пет 1:24, и в нем мысль о хрупкости земной жизни выражена наиболее кратко и энергично.

Этот библейский афоризм широко известен в цивилизованном мире. Незнакомство с ним людей, хотя и образованных, но получивших атеистическое воспитание, привело к комическому казусу: один из лучших романов известного американского фантаста Клиффорда Саймака был назван им парадоксальным образом "Всякая трава - плоть", потому что в нем речь идет о мыслящих растениях. Эти слова, очевидно, поставили переводчика и издателя в тупик, и они не нашли ничего лучшего, нежели выпустить в свет русский перевод под бледным и невразумительным названием "Все живое...". Так и теперь издают.

Но не только хрупкость растений привлекает внимание Библии; в ней подчеркивается и их невероятная жизненная сила - на этот раз в сравнении с духовными возможностями человека. Здесь на первый план выступает способность маленького зернышка развиваться в мощное дерево или приносить обильные плоды, хотя последнее происходит не всегда. В притче о сеяtele говорится о том, что семя, посеванное при дороге, поклевали птицы; посеванное на неглубокой, каменистой почве быстро взошло, но ростки увяли под лучами солнца; посевы среди сорняков были заглушены ими, и только то зерно, что было посажено в хорошую, "добрую" землю, проросло, вызрело и дало плоды. Значение этой притчи Христос объясняет так: если человек слышит Его слово и не понимает, то враг рода человеческого вытесняет слово правды, как птицы клюют зерно при дороге; если это слово человек даже и принимает с радостью, но при гонениях отступает, то слово было посажено как бы на камне; посевы в сорняках означают, что человек слишком заботится о материальном, временном - богатстве и успехе, и его благие мысли и намерения оказываются бесплодными.

Таким образом, эта притча говорит о том, что только постоянный и разумный человек способен утвердиться в правде и усвоить ее себе на благо. Масштабы же этого блага, перерастающие сферу земной жизни и выводящие человека в вечность,

рисует притча о горчичном зерне, которая говорит о том, что если человек усвоит хотя бы крохотное зернышко веры в вечную жизнь, то эта вера вырастет в мощное дерево и даст свои плоды - вечное спасение. Таким образом утверждается в Библии принципиальная схожесть растения и человека, состоящая в том, что они созданы единым Творцом, подчиняются общим законам бытия и достойны любви и внимания.

Наверное, самая известная (если судить по числу упоминаний в литературе) из подобных Евангельских притч - это притча о лилиях полевых (Мф 6:28 и сл.). В греческом оригинале Евангелия в этом месте стоит слово, способное обрадовать любителей комнатных растений: кринум, обозначающее сейчас хорошо известное декоративное крупноцветковое растение. Правда, Библия, мягко говоря, значительно старше классификации Линнея, поэтому о каком точно растении здесь идет речь, выяснить затруднительно. Эту маленькую притчу хочется привести целиком:

"...Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!"

В притче заключается цепочка сравнений: лилии по красоте и великолепию сравниваются с царем Соломоном; по хрупкости своего существования - с людьми, что нам уже знакомо. Далее же следует весьма замечательное утверждение: Бог заботится о людях куда больше, чем о прекрасных цветах, и дает им больше, нежели блестательную, но эфемерную красоту -

Литературная виртуозность этой притчи (отмеченная в свое время Г. К. Честертоном) сделала ее, если можно так сказать, персонажем известного романа другого знаменитого американского фантаста, даже более известного у нас, чем К. Саймак. Речь идет о Рэе Бредбери и его книге "451° по Фаренгейту", - мрачной антиутопии, на которую все более и более походит наша жизнь. В романе рассказывается о мире, где царят высокие технологии, где люди не мыслят жизни без телевизора, а телевизоры тем временем стали огромными, как стены, и в моду входят "гостиные", все четыре стены которых - это экраны, с которых виртуальные "родственники" ведут с хозяевами дома долгие бессмысленные разговоры, до боли напоминающие тексты

нынешних "мыльных" сериалов. В этом мире человеку не разрешается оставаться наедине с собой, со своими мыслями, с природой (а значит - и с Богом); пешеходные прогулки заставляют полицию присматриваться к тем, кто не желает разъезжать на автомобилях со все более нечеловеческими скоростями: эти люди считаются подозрительными, и если их сбивает машина, общество вздыхает с облегчением. Реклама, световая, звуковая, цветная, лезет в глаза и уши на каждом шагу, в доме, в городе, в метро, и от нее некуда деться. Но главное в этом вымурочном мире - строжайший запрет на чтение книг, даже на наличие книг в доме. По любому анонимному доносу к преступному владельцу книг выезжает пожарная команда и сжигает вместе с книгами дом, а если владелец не проявляет раскаяния, то и его самого. Эти пожарные просто не знают, что когда-то их работой было тушить пожары; теперь их единственная задача - жечь книги.

Но вот как-то один из пожарных задумывается о смысле этой бессмысленной жизни. Размышления приводят его к тому, что при очередном вызове (и на этот раз вместе с домашней библиотекой была сожжена ее хозяйка, пожилая женщина) он совершает страшное преступление: крадет одну из книг. Это оказывается Библия, и он начинает ее читать кусками, по частям. И что-то меняется. Теперь, когда он едет в метро под оглушающие звуки рекламы, он борется с ней, с ее прорывом в сознание, вспоминая слова о полевых лилиях. И реклама отступает - лилии полевые победили зубную пасть.

Вспомнив о Бредбери, нельзя не привести его замечательный рассказ "Зеленое утро", в котором самые меньшие братья человека, пусть и огромные, оказались в состоянии преодолеть чуждость Марса, чтобы прийти на помощь человеку. Содержание этого рассказа вкратце таково: человек стремится вырваться с Земли, утратившей обаяние природного мира, все свои силы и средства вкладывает в полет на Марс... и выясняется, что он не может там жить: слишком мало атмосферного кислорода, старая планета утратила растительность. Здесь он обречен на жизнь инвалида, на Земле - даже если он сможет туда добраться - он будет эпидемией и несчаст-

ным. И тогда он просит дать ему мотоцикл и семена на земных деревьев и уезжает один (с небольшим запасом кислорода, чтобы дышать, когда уж совсем невмоготу) в марсианскую пустыню. И день за днем сеет, а земля позади него остается все такой же сухой и безжизненной, и дождя все нет и нет. Наконец, на грани отчаяния, он в один из вечеров засыпает у костра. А ночью идет дождь, и утром обнаруживается, что таинственная планета с благодарностью приняла семена из другого мира и взрастила их с невероятной скоростью. Один из заключительных абзацев рассказа таков:

"Утро было зеленое. Насколько хватало глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, семенами или саженцами. И не мелочь какая-нибудь, нет, не порось, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья высотой с дом, зеленые-зеленые, огромные, округлые, пышные деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клены, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты - подстегнутые буйным дождем, вскормленные чужой волшебной почвой".

Не правда ли, замечательная иллюстрация к словам о семенах, павших на добрую почву? Неудивительно, потому что Рэй Бредбери - не только писатель, но и христианский проповедник, и библейское понимание существования природы и человека для него естественно и органично; он и сам чувствует и умеет показать, как помогают человеку его братья по творению, пусть и лишенные разума, но не лишенные любви и красоты, как они умеют отвечать добром на добре открытие к себе. В сущности, любить растения очень просто - нужно всего-навсего давать им жить.

Знаменательно отношение к растениям святителя Луки (Войно-Ясенецкого), выдающегося ученого-медика и иерарха-исповедника. Владыка пишет: "В молитве Святому Духу именуем Его подателем жизни. И если даже в неорганической природе так ясно присутствие Духа, то, конечно, и рас-

тения и животных надо считать одухотворенными. Самый общий, самый распространенный в природе из всех даров Святого Духа есть дух жизни, и он, конечно, свойственен не только животным, но и растениям ...весь растительный и животный мир обладает по крайней мере низшим из даров Святого Духа - духом жизни”¹.

Писатели многих стран и народов используют благодарный литературный прием - для того, чтобы читатель уяснил, “хороший” перед ним персонаж, или “плохой”, они показывают, как этот персонаж относится к растениям. И вот, в классической китайской прозе брошенная супруга князя утешается музыкой и созерцанием горшка белых хризантем. Злобная соперница повелевает отнять у нее музыкальный инструмент - она кротко отдает; затем следует требование расстаться с хризантемами - и княгиня отсылает цветы в сопровождении грустного стихотворения о том, что в разлуке с музыкой и дорогим супругом ей и хризантем не жалко. Это производит впечатление на князя; он отсылает разлучницу и возвращается к супруге.

Мотив любви к цветам человека в беде - пожалуй, один из самых распространенных в мировой литературе. В сказочном мире, созданном первом Андерсена, больной ребенок в каморке под крышей любуется побегом в ящике за окном, а куст роз в “Снежной королеве” (особенно в переработке этой сказки Евгением Шварцем) становится центральным символическим двигателем всего сюжета. Однако совершенно особняком в сказочном саду Андерсена расположен печальный уголок, где разыгрывается действие одной из сказок, в которой много грусти и мало волшебства. Все там очень “жизненно”, как любят говорить некоторые критики: дети посадили в клетку птичку и поместили туда же кусочек дерна с полевой маргариткой, чтобы было красивее. А потом они уехали на воскресенье, забыв и про птичку, и про цветок. Птичка, погибая от жажды, тем не менее не тронула цветка, хотя выплюнула всю траву. Они очень жалели друг друга, но поделать ничего не могли. Птичка умерла, маргаритка завяла. Вернувшись дети устроили птичке торжественные похороны - еще бы, какая интересная игра! А цветок просто выбросили.

Казалось бы, зачем все это? Как-то даже неловко после всех ужасов, которые натворили за прошедшие чуть ли не два века и взрослые, и - увы! - де-

ти. Но давайте подумаем: может быть, оттого и происходят ужасы, что на “пустяки” внимания не обращают? Может быть, стоит встревожиться наконец оттого, что уже лет двадцать, как наши школьники в списке необходимых, на их взгляд, человеческих качеств доброту, как правило, опускают? Может быть, воспитание сердца все-таки необходимо? Вот и датский сказочник прошлого века умудрился показать связь бессердечия с безответственностью, жестокостью, эстетической тупостью, наконец - а при таком синдроме какой разговор может быть о полноценной личности...

• • •

К сожалению, современная художественная литература оставляет впечатление, что ей не до растений; в мире постмодернистских построений и людям-то выжить тяжело. Литература же, которую можно условно обозначить как познавательную, либо повествует о “пользе”, которую можно извлекать из растений, либо оценивает их с точки зрения их “оккультной” ценности. Это, разумеется, достойно сожаления, но тем не менее утверждает растения в статусе самых меньших братьев: как и мы, они страдают от гримас общества потребления и мучаются в окружении неязычества. Но поскольку не твари определяют судьбы творения, а Сам Творец, нам в нашем отношении к растениям полезно помнить, что они были - и будут! - лучшим украшением Райского Сада.

По нашей вине имени автора рисунка в архиве не сохранилось. Просим его позвонить в редакцию.

¹Архиепископ Лука Войно-Ясенецкий. Дух, душа, тело. Б. м., б. д. - с. 72, 75.

Кира Поздняева

ИСТОРИЯ

ЛЮБВИ

Мы - соседи. Он верит в Бога, ходит в церковь и даже собирается стать священником. Он такой смешной - угловатый, несовременный, всегда восторженный, смущенный. У него удивительные глаза - василькового цвета, глубокие и грустные. Моя мама называет его Пьеро. По-моему, очень точно!

Казалось бы, что общего может быть у меня, огневушки-поскакушки с этим тихим человеком! Тем не менее мы просиживаем вместе целые вечера, беседуем. О чем? О литературе, о жизни, о прошлом. Каждую вторую тему он "сворачивает" на разговор о Боге. Сначала меня это раздражало и казалось страшным занудством, потом я поняла, что Бог для него - самое дорогое на свете, а ведь самым дорогим всегда хочешь поделиться.

Наша дружба началась с того, что я взялась писать курсовик по истории Церкви, а он вызвался мне помочь. Я тоже считаю себя верующей, бываю в церкви. Недавно, перечитывая свой дневник, нашла в нем такие слова: "Церковь - это единственное место, где я ощущаю полное душевное равновесие". И это действительно так. Но как моя вера не похожа на его! Моя мне кажется светлой, жизнеутверждающей, а его... Он такой сдержаный, замкнутый, как будто постоянно следит за собой.

Кажется, я ему нравлюсь. Как неловко уворачивается он от шутливых намеков моей старшей сестры, а на следующий день опять приходит и сидит до позднего вечера... "Матушка", - дразнит меня сестра, и от этой шутки мы обе хохочем до слез.

Из поэтов ему больше всех нравится Гумилев. Мне тоже. У нас даже любимые стихи одни и те же. Он - лирик, но как будто стыдится этого и не отпускает жаждущую песен душу на свободу. Эта черта удивляет и возмущает меня больше всего. Что ему мешает, ведь он вовсе не зануда. Чего же он боится, зачем постоянно сдерживает себя?

...

Окна - нараспашку. Аромат сирени, смешанный с запахом юной листвы и мокрого асфальта кружит голову. Думать об учебе, о сессии... Невозможно! Впархиваю к нему в квартиру.

- В московские особняки врывается весна на храпом... Какой воздух, какой май! Бежим в парк!

- Не могу. Сегодня суббота - всенощная.

На мгновение замираю в оцепении. Ну почему, почему он такой?!

Однако любопытство и страсть к экспериментам берут верх - плетусь с ним в церковь на всенощную. Великолепие убранства и красивое пение не-надолго берут верх: на глазах слезы, раскаиваюсь в своей несерьезности. Но уже через четверть часа, подобно пойманной в клетку птичке, с тоской смотрю в открытое окно - там май... Как не сочетаются монотонное чтение, запах ладана и серьезные лица с неистовствующей в весеннем угаре природой. А что он? Само внимание. "Как свечечка", - отмечаю в уме.

Наконец-то служба закончена. Забыто тяжкое стояние, на душе светло. Он улыбается. "Какой дивный вечер, природа словно вторит службе..." Вторит?? ПРИРОДА вторит СЛУЖБЕ???. Господи, до чего же мы разные!

...

Осень. Он уже учится в семинарии. На мне яркая куртка, моднейшие брюки, а из-под элегантной шляпы выются старательно накрученными локонами длинные волосы. В Лавре на меня все оборачиваются.

Как он рад встрече, и как идет ему новенький черный семинарский китель... Быстро и дипломатично выводит меня за пределы монастыря. "Какой на тебе наряд!" - "Не нравится?" - "Очень нравится, но в Лавре этого не поймут". Лицо мое удивленно вытягивается: "Почему?!"

Бродим по заброшенному парку, утопая в сугробах желтых и красных осенних листьев, раскидываем их ногами, собираем букеты. Старые качели-лодочки, несмотря на свой жалкий вид, удивительно хорошо вписываются в золотое великолепие парка.

- Покачаемся? - неожиданно предлагает он.

Огненные деревья, серое небо, пруд, монастырские стены - все несется вихрем. Полет - вот свобода, вот блаженство! "Видел бы меня владыка ректор!" - смеется он.

Погожим осенним вечером, когда запах жженых листьев тонет в лиловом киселе сумерек, а сердце щемит от безотчетной печали, мы прогуливаемся вдоль стен Лавры.

- Слушай, я, похоже, запуталась в своих религиозных исканиях. Почему надо все заузить - ведь все религии по большому счету говорят об одном и том же?

- Если смотреть на христианство как на свод нравственных правил...

- А как же еще можно смотреть?!

- А ты крестись и узнаешь, - он приумолк. Потом продолжил:

- Христос - это и есть христианство. Христос, а не абстрактные правила. Вот мы с тобой в жизни сколько встречаем людей. И только один становится дороже других - словно половина тебя. Почему именно этот человек, почему именно его полюбил, ему доверил? Почему? Не знаю. "Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь".

Зорко одно лишь сердце...

День моего крещения был серым, по-настоящему зимним. Вот и храм - маленький, сельский, деревянный, уютный. У двери завсегдатаи, церковные бабушки: "Подай, доченька!". Хор елейных голосков перекрывает вдруг старушка в ярко-зеленом платке: "А почему это мне рубль! Всем по два, а мне рубль?!" ...Мое светлое торжественное духовное состояние раздавлено одной фразой! Эти бабушки кого угодно от церкви отвадят!

Крещаемых - человек десять - от мала до велика. "Во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь". Стою среди других, твержу как заклинание: "Вот, теперь я христианка" - и ничего! Мне все кажется, что батюшка произнесет какое-то последнее, самое важное "аминь", и я почувствую, что стала совсем другой. Пытаюсь взглядеться в себя... Нет, все та же. Как-то даже обидно.

Иду на остановку. У церковной ограды маячит знакомый зеленый платок. "Помоги, дочка!" - говорит бабушка... И я вдруг замечаю, что и губы, и руки у нее совсем синие от холода.

Зимой он приезжал домой довольно редко, а приезжая, заскакивал на какие-нибудь 10-15 минут

и снова исчезал. "Вот и кончилась наша... наша дружба", - думалось мне. Лишь иногда по воскресеньям он зазывал меня в Лавру, и все становилось как прежде - шутки, воспоминания и разговоры...

Раннее воскресное утро. Надеваю единственную в моем гардеробе юбку до пят, повязываю на голову платок. "На кого ты похожа?!" - смеются родители. Сегодня он ждет меня, значит вперед, в холодной электричке мимо заснеженных деревень до Сергиева Посада, а там по скрипучему искрящемуся снегу прямо к Лавре. Могучие купола древних соборов, как атланты, поддерживают низкое серо-голубое небо. Мерно, гулко ударяет колокол. В воздух взмывают стаи птиц, и кричащая карусель парит над колокольней.

Жизнь в Лавре подвержена какому-то особому ритму, проникнута особой атмосферой. Попадаю вовнутрь, и носки ног автоматически сводятся вместе, глаза - долу, мелкой семенящей походкой направляюсь к нему. "Ну ты совсем как настоящая матушка!" Я вся сияю - хочется быть хоть чуть-чуть причастной этим соборам, этому звону, этой новой, еще непонятной, но почему-то манящей жизни. Она больше не кажется мрачной.

Многое было пережито, передумано, перечувствовано этой снежной зимой. Потом была первая исповедь, первый Великий пост, первая - настоящая - Пасха. "Чего-то ты огневушка-поскакушка, больше не скачешь?"

И снова май. Сижу у открытого окна не в силах оторваться от весеннего аллегро. Вновь и вновь не дают покоя "Стихи Юрия Живаго":

И та же смесь огня и жути

На воле и в живом уюте

И всюду воздух сам не свой...

Звонок в дверь. На пороге - он, в какой-то малорусской белой рубашке с вышитым орнаментом. "Прямо как жених, только цветов не хватает", - усмехнулась я в душе. Миновал час, другой. Вот, сейчас допьет чай и начнет прощаться... "Да, кстати, я хотел тебя кое о чем просить, я, собственно, за тем и пришел". Ах, вот, зачем он пришел - больно колнуло сердце. Но тут же мои горькие мысли были прерваны. Потому что он вдруг сказал, очень мягко и тихо:

- Выходи за меня замуж...

ФОМА

Православный журнал
для сомневающихся
№ 1 (9) 2000

Одобрен
Издательским Советом
Московского Патриархата

Издаётся коллективом редакции

Журнал зарегистрирован
в Комитете РФ по печати.
Свидетельство о регистрации
№ 015923 от 3 апреля 1997 года

Редакторы

Владимир ГУРБОЛИКОВ
Владимир ЛЕГОЙДА

Ответственный секретарь

Мария ЕГОРОВА

Главный художник

Дмитрий ПЕТРОВ

Компьютерная верстка

Анна БАКАНОС

Корректор

Людмила МАКАРКИНА

Мнение редакции не обязательно
совпадает с точкой зрения авторов.

Редакция будет рада перепечаткам из
“Фомы” (конечно же, со ссылкой на
наш журнал)

Рукописи не возвращаются и не
рецензируются

Телефон редакции: 246-74-92;
пейджер: 3309494 для абонента 47265
Ваши письма и статьи направляйте
по адресу:
113587, Москва, а/я 108

ЛЕГОЙДЕ
Оксане Анатольевне

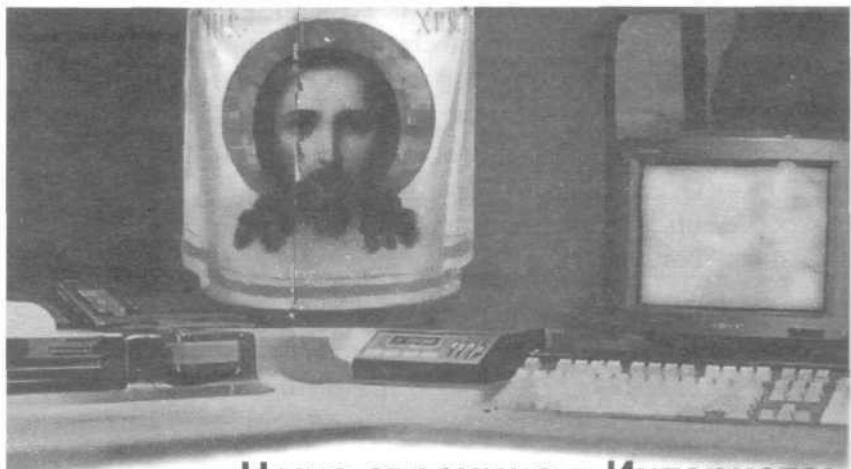
Просим читателей помолиться
о здравии раба Божия Игоря,
без помощи которого выпуск
этого номера был бы
невозможен.

Заказ 657. Тираж 5000.

Отпечатано в Щербинской типографии
113623, г. Москва, ул. Типографская, д.10.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог “Страна глухих”	Стр. 3
ТВОЙ НЕДОСТОЙНЫЙ ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ...	Стр. 4
Диакон Андрей Кураев ЗАЧЕМ ХОДИТЬ В ХРАМ	Стр. 12
Священник Дмитрий Струев ЕГО ИМЯ БЫЛО ФОМА	Стр. 17
Священник Максим Козлов Я РОС В НЕЦЕРКОВНОЙ СЕМЬЕ...	Стр. 26
Светлана Гаджинская КРЕЩЕНИЕ В СИНЕГОРЬЕ	Стр. 30
Алексей Варламов МЫТАРЬ. Рассказ	Стр. 46
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ ОПЫТА (беседы о литературе)	Стр. 49
“ФРЕСКИ” Максима Яковleva	Стр. 54
Марина Журинская САМЫЕ МЕНЬШИЕ БРАТЬЯ	Стр. 59
Кира Поздняева ИСТОРИЯ ЛЮБВИ	Стр. 63

Наша страница в Интернете:
<http://www.trimo.com/foma>
Адрес электронной почты:
foma@trimo.com

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИСТОРИИ С ЗАКРЫТИЕМ ЖУРНАЛА "ФОМА"

Этот номер "Фомы" для нас особенный. Дело в том, что с осени прошлого года в жизни нашей маленькой редакции начался пока что самый тяжелый, особенно в материальном отношении, период. Сверстанный 8-й номер журнала пролежал неизданным три месяца; потом, наконец, появился, "похудев" почти наполовину. Из-за этого выглядел он, к сожалению, хуже, чем хотелось бы, и многие наши читатели это заметили. А кризис продолжался, и в какой-то момент нам показалось, что издание "Фомы" придется прекратить. Однако наши обращения за помощью не остались без отклика. Нашлись люди, которые пожертвовали средства на выпуск этого номера "Фомы", и вот - он в ваших руках...

Когда мы с вами читаем на журнальных страницах слова "остро нуждаемся в вашей поддержке", то реакция бывает разная. Кого-то это раздражает, кто-то считает, что его сто-двести рублей все равно ничего не изменят, другие думают: наверняка это объявление уже прочел какой-нибудь новый русский... И получается (как было в нашем случае), что только угроза существованию журнала действительно всколыхнула людей.

Мы благодарны и молимся Богу за тех, кто приходил раньше и пришел к нам на помощь сейчас. Большое счастье - на практике убеждаться в том, как много есть людей, способных искренне сочувствовать и бескорыстно помогать.

Но мы не хотим и не можем быть птицей Феникс и каждые полгода печатать заявления о своей вероятной "кончине". Девятый номер "Фомы" вышел. А на десятый, юбилейный выпуск журнала средств пока нет (о переиздании материалов из первых, ставших библиографической редкостью, номеров, которые все постоянно спрашивают, пока не приходится и мечтать). Нет средств на альманах "Фома" (в котором мы надеемся публиковать слишком крупные для журнала, но от этого не менее интересные статьи и материалы). Нет возможности увеличить тираж и объем нашей бесплатной газеты, хотя нужда в такой "газете для входящих в храм" - огромная.

Мы вновь обращаемся ко всем нашим читателям. Журнал "Фома" - как и наша анонс-газета, "библиотечка", интернет-страница, аналитический альманах ждут вашей материальной и моральной (мы ждем ваших писем, отзывов, вопросов, пожеланий) помощи. И если наша идея - выпускать периодику и книги о Православии специально для людей, которые только начинают свой путь к Богу, - действительно необходимая в наше время и вас она не оставляет равнодушными, то давайте вместе воплощать ее в жизнь.

Владимир ГУРБОЛИКОВ,
Владимир ЛЕГОЙДА

Диакон АНДРЕЙ КУРАЕВ

СТРАШНЫЙ СУД
и тайны апокалипсиса

Библиотечка
журнала
ФОМА

**НРАВСТВЕННА ЛИ
«СВОБОДНАЯ
ЛЮБОВЬ»?**

Выпуск второй
ПЕРЕПИСКА СВЯЩЕННИКА
с духовной дочерью

Библиотечка
журнала
ФОМА

Благодаря моральной и
материальной помощи
наших читателей вышли в
свет первые четыре
брошюры серии
**“Библиотечка журнала
“ФОМА”.**

Вы можете приобрести эти
книги в магазине
Издательства Московской
Патриархии.

—правки по
телефону: 246-74-92

**НРАВСТВЕННА ЛИ
«СВОБОДНАЯ
ЛЮБОВЬ»?**

Выпуск 1

Библиотечка
журнала
ФОМА

**ЗАЧЕМ МЫ
ПРИХОДИМ В
ЦЕРКОВЬ?
и другие вопросы
о ПРАВОСЛАВИИ**

Отвечает:
Епископ Кронstadtский
ТИМОН
Протоиерей
ВЛАДИМИР ВОРОБЬЕВ
Протоиерей
АРКАДИЙ ШАТОВ
Священник
АЛЕКСАНДР УМИНСКИЙ
Священник
АНДРЕЙ ПОБЩИНСКИЙ
Диакон
АНДРЕЙ КУРАЕВ

Библиотечка
журнала
ФОМА

